

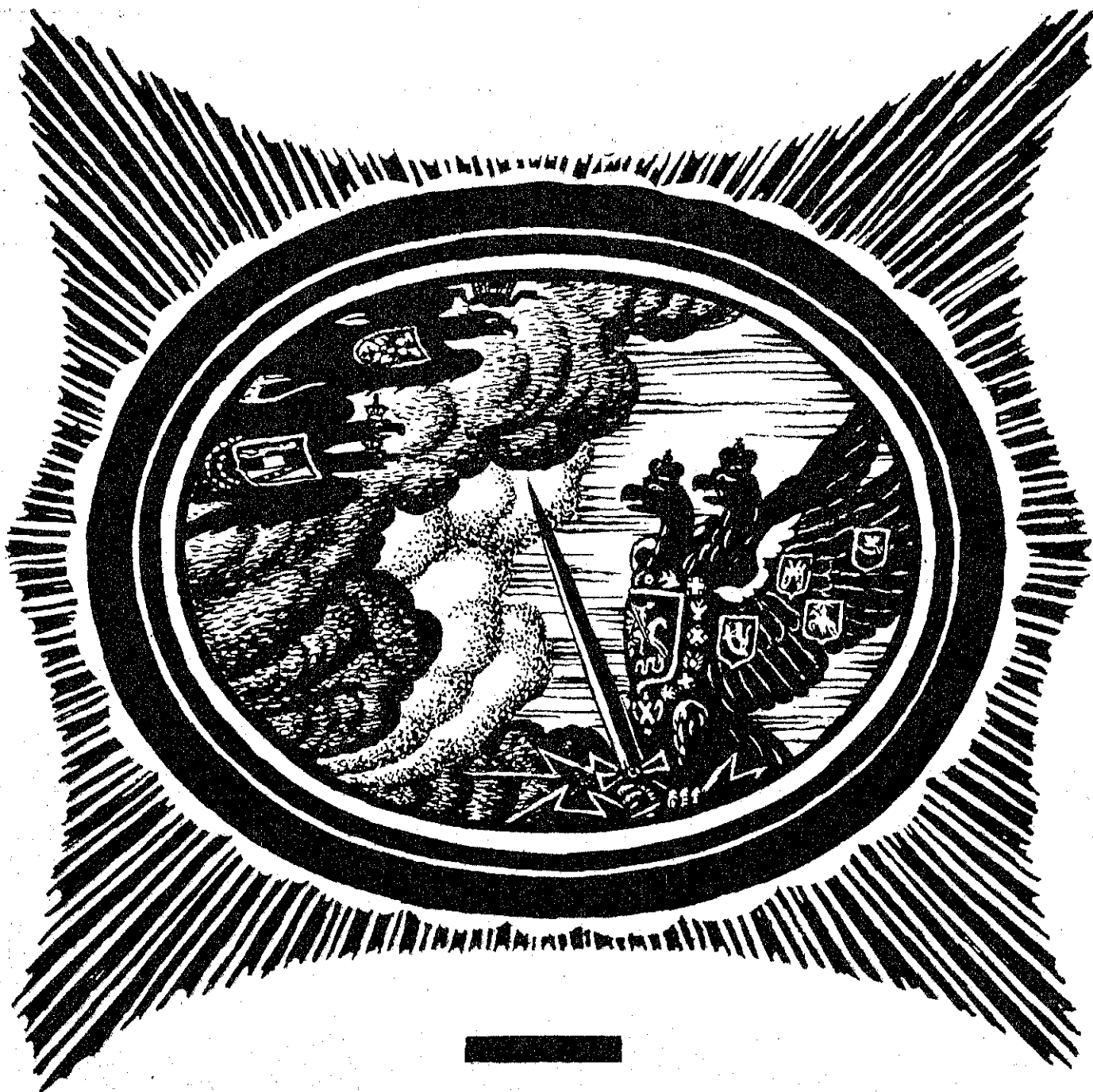
ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ

НАРОДНАЯ ВОЙНА

РОССІЯ и не знала донинѣ, какъ она молода и сильна. Это было [неожиданностью для нея же самой. «Мы думали, что мы гораздо хуже», — таково теперь общее чувство. Многие видѣли только русскую чернь, или интеллигенцію или бюрократію русскую, и думали, что это—Россія, и сердились на нее и брюзжали, но когда неожиданно всталъ передъ ними весь русскій народъ, они впервые постигли, какъ онъ сказочно-молодъ, прекрасенъ, здоровъ и какое у него великолѣпное будущее.

Теперь никому уже не кажется чудомъ, что этотъ народъ создалъ Пушкина, Толстого, Менделѣева, Рѣпина, Глинку,—иначе и быть не могло! Война намъ открыла глаза; потому-то при всѣхъ ея ужасахъ, русское общество нынѣ проникнуто праздничнымъ,

чувствомъ, какого оно прежде не знало: увѣренностью въ себѣ, въ своемъ будущемъ, въ своей великой исторической мисси.

ЭТА война расколола мировую исторію надвое. О ней наши дѣти прочтутъ тысячи книгъ, мемуаровъ, плохихъ и хорошихъ романовъ. Теперь, вѣдь, каждый день—историческій, и каждый человекъ—историческій. Послѣвшимъ же, пока эти великіе дни еще наши, запечатлѣть ихъ въ литературѣ, въ искусствѣ: намъ выпало на долю быть Несторами грандіознѣйшей въ мірѣ эпохи.

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ

№ 1.

ПЕТРОГРАДЪ.

2 НОЯБРЯ 1914 г.

ВОЙНА

НАСТОЯЩАЯ война — явление порядка сверхчеловѣческаго. Смыслъ ея мѣняется съ каждымъ днемъ, растетъ и углубляется, поднимается на головокружительную высоту. Начавшись борьбой силъ матеріальныхъ — такъ многимъ казалось въ началѣ, — она переходитъ въ борьбу идей. Начатая людьми, она продолжается богами. Драматическій элементъ крови и страданій личности едва видимъ въ озареніи планетарныхъ задачъ; участіе Идей, олицетворяемыхъ народами, несомыхъ массами, утверждаемыхъ огнемъ и громомъ, даетъ войнѣ пафосъ трагическій. Какъ бы снова молніями и громомъ заговорилъ Синай, какія то новыя заповѣди вѣщаются человѣку съ его божественной высоты.

У насъ съ самаго начала война получила наименованіе «народной»; былъ въ этомъ намекъ, что народной или «отечественной» она является именно для Россіи и только для Россіи. Конечно, это певѣрно. Народной въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова война является и для всѣхъ участниковъ ея: для Англіи, Бельгіи, Франціи, Сербіи, Турціи и самой Австро-Германіи. Но кромѣ прямыхъ участниковъ войны существуютъ и косвенные, стоящіе на самой грани; какъ дѣйствующія лица трагедіи, которымъ еще не подаль знака режиссеръ, они толпятся за кулисами, одѣтые, въ гримѣ, вооруженные, виолнѣ готовые по первому слову оставить мракъ кулисъ для яркаго свѣта рампы. Различна степень ихъ косвеннаго участія, но равнодушныхъ и здѣсь нѣтъ; и не только краемъ какимъ нибудь заинтересованы они — нѣтъ, самые кровные интересы народа выплываютъ откуда то со дна, важнѣйшіе вопросы народные ставятся на очередь, и волненіе охватываетъ всѣхъ. Какъ будто нарочно до этого рокового дня копили народы мечты и боль, прикрывали раны, не лѣча ихъ, трудолюбиво составляли цѣлыя задачки государственныхъ задачъ, — все уврачевать, всему найти его мѣсто, всѣ задачи должна рѣшить настоящая война. Воистину, неслыханной важности дѣло выпало на долю нашего поколѣнія.

И если въ началѣ его безмолвствовалъ Далекій Западъ и грезилъ покоемъ синія, смутныя дали великихъ океановъ, то со вступленіемъ въ войну Японіи и Ислама не осталось на землѣ мѣста для равнодушныхъ. Начавшись въ Бельгіи, захватываетъ уже недостаточно картъ, чтобы глобусъ. По количеству языковъ вается воинская команда, молятся умирающіе, это уже сейчасъ по ніе; а кругъ далеко еще не за нынче — завтра еще чей нибудь въ откровенную войну. Растетъ въ на который человѣчество возла- послѣднюю — гекатомбу!

рлинѣ, землетрясеніе кругами рас- новыя страны, культуры и расы; слѣдить за войной — надо имѣть и нарѣчій, на которыхъ выкрики- раненые и прощаются съ жизнью хоже на Вавилонское столпотворе- вершенъ, и нѣтъ сомнѣнія, что не буйный нейтралитетъ перейдетъ высь и ширь. жертвенный алтарь, гаетъ кровавую — быть можетъ, Л. А.

Г. Н. ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

КОГДА И КАКЪ КОНЧИТСЯ

ВОЙНА?

Вотъ вопросъ, который неотвязно стоитъ передъ каждымъ мыслящимъ человекомъ, вотъ вопросъ, на который не въ состояніи теперь никто дать опредѣленный отвѣтъ. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что каждый бой, каждое сраженіе, каждый маневръ той или другой стороны приближаютъ насъ къ разрѣшенію поставленнаго выше вопроса. Каждый, читающій ежедневно сообщенія съ театровъ военныхъ дѣйствій, жадно схватываетъ всѣ тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя доходятъ до насъ съ полей, гдѣ льется братская кровь. Свѣдѣнія эти отрывочны. Подчасъ они получаются не въ хронологическомъ порядкѣ, иногда съ большими запозданіями и притомъ изъ самыхъ разнообразныхъ по своей достовѣрности источниковъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ надо умѣть ориентироваться и разбираться, вспоминать минувшія событія. Поэтому взглядъ, брошенный назадъ, на событія минувшихъ дней, не долженъ казаться намъ скучнымъ,—напротивъ, онъ дастъ намъ матеріалъ, на основаніи котораго мы можемъ приблизиться къ разрѣшенію поставленнаго выше вопроса. Что сдѣлала одна изъ воюющихъ сторонъ за два съ половиной мѣсяца войны и что сдѣлала другая,—вотъ вопросы, которые естественно могли бы возникнуть у читателя, приступающаго къ чтенію нашихъ журналовъ, такъ какъ

три мѣсяца войны были чреваты событіями.

Наши войска прочно заняли всю восточную Галицію, Буковину и проникли въ Венгрію. На восточно-прусскомъ фронтѣ мы доходили до Кѣнигсберга, германцы достигали до Нѣмана. Во Франціи германцы доходили почти до самаго Парижа, теперь отступили къ границѣ Бельгіи. Почти вся Бельгія наводнена нѣмецкими солдатами. Сербскія войска вмѣстѣ съ черногорцами сражаются на австрійской территоріи у Сараева. Моря закрыты для торговаго мореплаванія; даже въ Африкѣ, Азій и Австраліи горятъ военные костры.

Военное напряженіе воюющихъ державъ доходитъ до того, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ почти совершенно нѣтъ мужского населенія, не посящаго оружія.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Въ октябрѣ произошло первое генеральное сраженіе на берегахъ Вислы и Сана.

Вниманіе всего міра приковано было къ той части Царства Польскаго и Галиціи, которая расположена за Вислой и Саномъ до германской границы и включаетъ въ себя губерніи: Варшавскую, Калишскую, Петроковскую, Кѣлецкую и Радомскую, и къ югу отъ Сана до Дибетра. Вотъ районъ, гдѣ началось титаническое генеральное сраженіе, которое явится первымъ шагомъ къ разрѣшенію поставленнаго нами въ самомъ началѣ вопроса. Пролокъ этого сраженія уже разыгрался. Онъ начался 12 сентября на берегахъ Нѣмана около хороша всѣмъ извѣстнаго курорта Друскеники и вылился въ форму цѣлаго ряда упорныхъ боевъ, охватившихъ всю Сувалскую губернію.

Сувалскіе бои

происходили въ теченіе восьми дней до 20 сентября. Когда германскія войска подъ натискомъ нашихъ силъ принуждены были отступить къ своей границѣ и тамъ на границѣ упорно старались задержать наше дальнѣйшее наступленіе, они притянули сюда подкрѣпленіе изъ гарнизона Кѣнигсберга, привезли тяжелыя артиллерійскія орудія и напрягали всѣ силы, чтобы не допустить насъ продвинуться впередъ.

Уже къ 10 сентября общая линія германскаго расположенія тянулась почти отъ Балтійскаго моря и до Карпатъ. Лѣвый флангъ ея достигалъ нашего пограничнаго мѣстечка Горджи. Къ югу линія расположенія германскихъ войскъ шла черезъ Сувалскую губернію, переходила въ Ломжинскую, захватывала часть Плоцкой губерніи, шла на Влоцлавскъ, Калишъ, Ченстохотъ, Домброву и до Кракова, гдѣ

РУССКАЯ ПОХОДНАЯ КУХНЯ.

она сливалась съ австрійской арміей, отступившей съ Люблинскихъ полей и изъ-подъ Ярослава.

Разработавъ планъ грандіознаго генеральнаго сраженія на восточномъ фронтѣ, германскій генеральный штабъ рѣшилъ предпринять сначала глубокое обходное движеніе съ 6 корпусами изъ восточной Пруссіи переправиться черезъ Нѣманъ и Бобръ, съ цѣлью зайти въ тылъ нашей арміи, а затѣмъ начать наступленіе своими главными силами съ фронта, двигаясь по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ къ Варшавѣ. Однако, обходное движеніе лѣвымъ германскимъ крыломъ не имѣло успѣха. У Нѣмана и Бобра германцы неожиданно для себя встрѣтили сильный отпоръ. Всѣ ихъ попытки форсировать переправы на Нѣманѣ, на Бобрѣ, у Осовца потерпѣли полную неудачу, и германцамъ не только не удалось переправиться, но даже пришлось стремительно отступить. Между тѣмъ

на Силезскомъ фронтѣ,

т. е. въ Завислискомъ районѣ произошло это первое генеральное сраженіе. Германскія войска подвозились съ западнаго фронта къ Бреславию и отсюда уже направлялись на востокъ, къ границамъ Калишской губерніи, и на юго-востокъ, къ границамъ Петроковской губерніи и къ Кракову.

Свое стратегическое развертываніе германцы начали къ сѣверу отъ Кракова на линіи Краковъ — Мѣховъ — Ново-Радомскъ — Сѣрадзъ. Стратегическимъ развертываніемъ арміи въ военной наукѣ называется созданіе того исходнаго положенія, съ котораго войска должны начать дѣйствовать, поэтому стратегическое развертываніе признается самой важной и вмѣстѣ съ тѣмъ самой трудной задачей, которую необходимо разрѣшить при созданіи плана генеральнаго сраженія, такого сраженія, въ которомъ примутъ участіе миллионныя арміи. Ошибки въ стратегическомъ развертываніи, какъ говорилъ фельдмаршалъ Мольтке, почти непоправимы. Исправить ихъ можно только въ томъ случаѣ, если арміи невелики. Ошибки нашего стратегическаго развертыванія въ 1812 г. повлекли за собой всѣ дальнѣйшія неудачи этой кампаніи до отступленія Наполеона изъ Москвы. Ошибки французовъ въ 1870—71 гг. привели ихъ къ Гравелоту и Седану. Изъ этихъ примѣровъ видно, какой важный моментъ представляетъ собой стратегическое развертываніе. 14-го сентября германцы начали свое наступленіе. Къ 20 сентября наступленіе германскихъ войскъ происходило уже по линіи Кутно—Ленчица—Пабянице—

Сулеувъ—Конскъ—Кѣльцы. 23-го ихъ передовыя части завязали бой съ нашими войсками на линіи Опатовъ—Сандомиръ и на западѣ отъ Варшавы, близъ Скерневицъ. Изъ изложеннаго видно, что германскія войска и въ этомъ случаѣ не отказываются отъ своего обычнаго приема обходовъ фланга своего противника. Появленіе германскихъ войскъ на линіи Опатовъ—Сандомиръ, выдвинутыхъ нѣсколько впередъ отъ общей линіи наступленія германскихъ войскъ, указываетъ на попытку ихъ произвести нажимъ на нашъ лѣвый флангъ и двинуться по линіи Вислы на нашу крѣпость Ивангородъ. Въ концѣ мѣсяца уже завязался бой по всей линіи, начиная отъ района Варшавы, къ югу по Вислѣ, по Сану до Перемышля и далѣе до Днѣстра, т. е. на протяженіи свыше 400 в.

Отъ собств. фотографіи «Отечества».

ИЗЪ ПОХОДНОЙ ЖИЗНИ Н-СКАГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА.

У Варшавы 7 октября нашими доблестными войсками блестяще сдѣланъ

первый шагъ къ окончанію войны.

Наступавшіе германцы на фронтѣ Блоне—Пясечно были отброшены нашими сибирскими войсками съ громаднымъ урономъ во всемъ районѣ къ сѣверу отъ рѣки Пилицы, т. е. къ западу отъ Варшавы до Петрокова и по Вислѣ. Германцы отступали столь поспѣшно, что бросали своихъ раненыхъ и оставляли безъ сопротивленія заранѣе подготовленныя укрѣпленныя позиціи. Къ югу отъ рѣки Пилицы до Сандомира наши войска также блестяще отражали атаки германцевъ, отбили ихъ и прочно утвердились на лѣвомъ берегу Вислы. Вотъ начало конца. Въ настоящее время германо-австрійскія войска находятся въ отступленіи и приближаются къ линіи Калишъ—Ченстоховъ—Краковъ. Только

на Санѣ австрійцы довольно упорно сопротивляются, хотя нашими войсками уже захвачены переправы въ нѣкоторыхъ пунктахъ Сана и прорвана сплошная линія укрѣпленныхъ позицій, возведенныхъ австрійцами на лѣвомъ берегу этой рѣки.

Выступление турокъ.

Подстрекаемые германцами, турки предприняли рискованный шагъ—они 16 октября обстрѣляли съ своихъ судовъ, находящихся въ Черномъ морѣ, подъ командой нѣмецкихъ офицеровъ, наше Черноморское побережье. Крейсеръ «Бреслау» бомбардировалъ Симферополь. Крейсеръ «Гамидіа» подходилъ къ Новороссійску и грозилъ городу бомбардировкой, обстрѣливалъ форты Севастополя. Такое дерзкое нападеніе на наши беззащитные города повлекло за собой отозваніе изъ Константинополя дипломатическихъ агентовъ Россіи, Франціи и Англіи, наши войска перешли турецкую границу и вступили въ бой съ турецкой арміей. Англо-французскій флотъ появился у малоазійскаго берега Турціи и, вѣроятно, въ скоромъ времени приступитъ къ военнымъ дѣйствіямъ противъ войскъ, расположенныхъ въ Малой Азіи.

Успѣхъ нашъ нѣсколько омрачился гибелью крейсера «Паллада», погибшаго 28-го сентября въ Балтійскомъ морѣ. «Паллада» была атакована германской подводной лодкой, которая взорвала нашъ крейсеръ; но и мы потопили двѣ вражескія подводныя лодки, атаковавшія наши крейсера «Палладу» и «Баянъ», при чемъ послѣдній не пострадалъ.

На западномъ фронтѣ

наши союзники французы, благодаря удачнымъ распоряженіямъ своего главнокомандующаго, генералиссимуса Жоффра, приближаются къ достиженію конечныхъ результатовъ длительного сраженія на рѣкѣ Энъ и своимъ лѣвымъ крыломъ, соединившись съ бельгійской арміей, достигли моря у Остенде.

31 августа германская армія, отступившая послѣ сраженія на Марнѣ, заняла укрѣпленные позиціи по линіи отъ Уазы до Мозеля по рѣкѣ Энъ, уже во время сраженія на Марнѣ. Повидимому, германцы рѣшили, что имъ придется отступить, и что геній генерала Жоффра превзошелъ всѣ ихъ ожиданія, поэтому они заранее начали искать себѣ позиціи, на которыхъ они могли бы задержаться при своемъ отступленіи. Выборъ ихъ палъ на плодородную долину рѣки Энъ. Укрѣпивъ здѣсь всѣ имѣющіеся естественные пункты, представляющіе удобство для обороны, германскія войска отступили отъ Марны, и 31 августа начался новый бой на рѣкѣ Энъ. Бой этотъ носилъ характеръ длительного оборонительнаго или даже осаднаго боя. Стороны окопались, траншеи противника въ нѣкоторыхъ пунктахъ лежали другъ противъ друга на разстояніи 250 метровъ. Обѣ стороны проявляли необычайную стойкость и храбрость. Не проходило дня, чтобы которая-либо изъ сторонъ не предпринимала атакъ. Военное счастье склонялось то на сторону французовъ, то на сторону германцевъ, но тѣмъ не менѣе французская армія медленно, шагъ за шагомъ продвигалась впередъ, тѣсняя германскую армію къ бельгійской границѣ.

Германская тактика

не признаетъ медленности въ военныхъ дѣйствіяхъ. Она требуетъ быстрого налета на врага и уничтоженія его, пока онъ еще не успѣлъ опомниться, пока онъ не успѣлъ собрать свои силы; однако, въ сраженіи на рѣкѣ Энъ всѣ попытки германской арміи къ быстрымъ натискамъ на противника встрѣчали упорное сопротивленіе, и германцы принуждены были каждый разъ отступать. Главнымъ образомъ операціи противниковъ разбивались на флангахъ. Германская тактика порицаетъ дѣйствія съ фронта, она требуетъ обходовъ противниковъ съ фланговъ и окруженія его. Германцы говорятъ, что только окруженіемъ

можно уничтожить армію противника. Уничтоженіе же арміи противника есть конечный результатъ войны. Стремясь къ этому конечному результату, германская армія неоднократно предпринимала обходныя движенія лѣваго французскаго фланга, но искуснымъ маневрированіемъ французовъ всегда удавалось противостоять этимъ германскимъ движеніямъ, и въ концѣ концовъ имъ удалось удлиненіемъ своего лѣваго фланга отбѣснить правый германскій флангъ къ морю, и французскимъ войскамъ удалось соединиться близъ Остенде съ бельгійской арміей, прибывшей туда изъ-подъ Антверпена.

На лѣвомъ своемъ флангѣ германцы держались той же тактики и также все время стремились зайти въ тылъ войскъ праваго французскаго крыла. Былъ такой моментъ, когда имъ удалось прорвать линію французскаго расположенія. Они успѣли на линіи фортовъ между крѣпостями Туль и Верденъ переправить часть своихъ войскъ у Сантъ-Мірала на лѣвый берегъ Мааса, отбѣснивъ французскія войска и отрѣзавъ ихъ отъ частей, находящихся въ районѣ Туль и Намси, т. е. отъ частей крайняго праваго крыла французской арміи. Однако, энергичныя дѣйствія французскихъ войскъ дали въ результатъ совершенно неожиданный для германцевъ результатъ. Армія баварскаго кронпринца Рупрехта, части которой переправились черезъ Маасъ, оказалась стиснутой между двумя французскими линіями, и для избѣжанія разгрома эта армія принуждена была отступить на сѣверъ къ Этьену, расположенному близъ бельгійской границы, вслѣдствіе чего къ 25 сентября германская армія оказалась притиснутой своими флангами къ бельгійской границѣ, занимая линію по выпуклой дугѣ, средняя которой находилась въ нѣсколькихъ километрахъ отъ того Реймса, у котораго германская армія, обстрѣливая историческій Реймскій соборъ, показала себя варварскою ордой.

Желая обезопасить свой тылъ на случай отступленія въ Бельгію,—

германцы предприняли осаду Антверпена и заняли его.

Не довольствуясь тѣмъ, что прекрасная богатая Бельгія почти стерта съ лица земли, что армія ея, проявивъ необычайный героизмъ, истощена и не можетъ уже нанести существенный вредъ миллионной германской арміи, германцы все же рѣшили уничтожить послѣдній оплотъ горсти бельгійскихъ храбрцевъ и бомбардировкой уничтожить Антверпенъ. Незначительный по количеству, но великій по духу, гарнизонъ Антверпена проявлялъ во время осады ту храбрость, которая теперь стала обычнымъ явленіемъ для бельгійскаго солдата, и, несмотря на всѣ 42-хъ дюймовыя германскія орудія, Антверпенъ упорно въ теченіе 12 дней сопротивляется натиску врага. По видя неизбежность паденія Антверпена, бельгійцы рѣшили искуснымъ маневрированіемъ вывести изъ него свою армію и ускользнуть отъ противника, направляясь на западъ, къ Остенде. Эта вылазка имъ блестяще удалась. Германцы вошли въ незащищенный Антверпенъ. Бельгійская армія покинула 26-го сентября укрѣпленный районъ Антверпена и отошла къ Остенде, гдѣ ее встрѣтили высадившіяся англійскія войска, и произошло соединеніе бельгійской арміи съ французской, съ которой она слилась въ единое цѣлое могучее, грозное, готовое дать дерзкому врагу сильный отпоръ и нанести поражение. Развязка Энского сраженія приближается. Это будетъ второй шагъ къ окончанію войны.

Сдѣлавъ этотъ краткій обзоръ предварительныхъ стадій кампаніи, мы можемъ теперь обратиться къ интересующему насъ вопросу: какъ и когда закончится эта небывалая война.

Это и составитъ тему нашихъ дальнѣйшихъ статей.

ПЕТРЪ РЫССЪ.

БУДУЩЕЕ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ.

ЕСЛИ вообще сумма предшествующихъ фактовъ и явлений до известной степени предопредѣляетъ будущее, если жизнь человѣка или государства является собою рядъ логическихъ сцѣплений,—съ особой ошутительностью воспринимаетъ это положеніе Россія настоящаго дня. Мы—дѣти великой страны безконечныхъ духовныхъ и матеріальныхъ ресурсовъ, на карту исторіи ставимъ будущее родины.

Впервые за все время своего существованія Россія ведетъ великую сознательную борьбу за пребываніе свое въ Европѣ, за мирное культурное развитіе. До XVIII столѣтія отброшенная къ «Азіи», застывшая въ государственныхъ и бытовыхъ формахъ, гениемъ Петра Россія приблизилась къ Европѣ и начала новую жизнь. И съ того времени шагъ за шагомъ ей приходилось отвоевывать у нѣмецкихъ сосѣдей право на органическое развитіе. Къ морю мы стремились, и отъ моря насъ гнали. Два столѣтія длится эта борьба. И, не найдя выхода на западъ, Россія бросилась на Востокъ, къ далекимъ морямъ, и тамъ столкнулась съ Японіей и потерпѣла неудачу. Отъ восточныхъ своихъ утопическихъ надеждъ мы излечились, хотя дорогъ былъ урокъ. И, прозрѣвъ вновь, какъ при Петрѣ I, Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II, Россія пришла въ движеніе на западъ, куда итти заставляетъ насъ исторія.

Германія объявила намъ войну не потому только, что во взлѣтѣиномъ ею же милитаризмѣ задышалась она; и не потому только, что въ поискахъ новыхъ рынковъ страна Гогенцоллерновъ уперлась въ Россію и въ Англію. Не теперь, такъ черезъ годъ, но война была неизбежна, ибо гигантскій духовный ростъ Россіи заглушалъ ростки австрійскаго и германскаго развитія. И когда Германія дерзновенно бросилась на наши границы, мы поняли великое значеніе борьбы, съ серьезностью приняли вызовъ и сказали:

— Мы должны побѣдить. Иначе мы будемъ отброшены въ Азію.

Такова историко-политическая сущность настоящей войны для насъ.

А за нею скрывается и государственно-бытовое значеніе для Россіи теперешней міровой войны. Если до временъ Іоанна IV Россія находилась подъ спорадическимъ вліяніемъ сосѣднихъ государствъ,—уже съ середины XVII вѣка нѣмецкое вліяніе стало преобладать. Къ серединѣ XVIII столѣтія это вліяніе стало доминировать въ государственной жизни, хотя культурныя вѣянія шли изъ Франціи. И, наконецъ, къ началу прошлаго вѣка мы оказались во всѣхъ смыслахъ духовными рабами нѣмцевъ. Правда, изъ разъединенной тогда Германіи пришли къ намъ теоріи Канта, Фихте, затѣмъ Гегеля. Надъ Шиллеромъ плакало не одно поколѣніе, и надъ Гёте и Лессингомъ сотни людей проводили часы въ размышленіяхъ. Но изъ Пруссіи и Саксоніи нами взята была и форма общежитія, приспособленная къ существованію Россіи. Еще Герценъ отмѣтилъ это явленіе и въ великомъ паоосѣ негодованія заклеилъ ужасъ нѣмецкой государственности. Какова же природа ея? Чѣмъ, слѣдовательно, «обязаны» мы Германіи въ этомъ отношеніи?

Англійскіе государствовѣды отмѣтили, что особенностью Германіи является ея «горизонтальная» общественность. Классъ отдѣленъ отъ класса рѣзко, одинъ давитъ другой,

отсюда—кастовый характеръ страны, отсутствіе *общихъ* интересовъ у всѣхъ слоевъ населенія, антидемократичность всего уклада жизни. Этимъ и объясняется, что Германія является родиной узко-сословныхъ государственныхъ теорій и узко-сословной соціальной практики. При систематичности нѣмецкаго ума, формы общественной жизни приобрѣли эгонистическій характеръ. Такъ создалась механическая теорія механической исторіи, отдѣльной для каждаго класса. Итакъ, германская теорія социализма по существу—теорія аристократическая, теорія обособленнаго класса, которому предназначено спасти человѣчество, какъ по мысли юнкеровъ только имъ данъ отъ Господа патентъ спасти міръ.

Съ этимъ-то духомъ обособленности и пренебреженія къ «нижнему классу» управляетъ Германіей юнкерство. И этотъ духъ пришелъ къ намъ отъ нѣмцевъ, насаждавшихъ въ Россіи государственность, столь чуждую духу русскаго народа и его историческимъ навыкамъ. Нѣмецъ-бурмистръ не только жестоко управлялъ Россіей, не только презиралъ народъ и издѣвался надъ нимъ, но—что гораздо хуже—раздѣлилъ Россію искусственно. И въ душѣ русскаго народа накопилось безконечно много озлобленія противъ чуждыхъ людей и чуждой государственности. И это ясно сказалось въ первый же день войны. Последняя является не только борьбой съ вышнимъ врагомъ, угрожающимъ территоріальной цѣлости родины. Еще больше—это война за освобожденіе отъ нѣмецкаго государственно-бытового вліянія.

И всѣ народы Россіи, всѣ общественные слои объединились въ этомъ чувствѣ. Обращеніе великаго князя Николаевича къ полякамъ, затѣмъ къ русинамъ, наконецъ—ко всѣмъ народамъ Австро-Венгріи какъ нельзя болѣе своевременно подчеркнуло мечту Россіи разъ навсегда избавиться отъ нѣмецкой системы управления и вступить на путь уваженія національно-культурныхъ правъ всѣхъ національностей. Этого принципа чужда нѣмецкая государственность повсюду, гдѣ она доминируетъ, и не мало зла причинено ею.

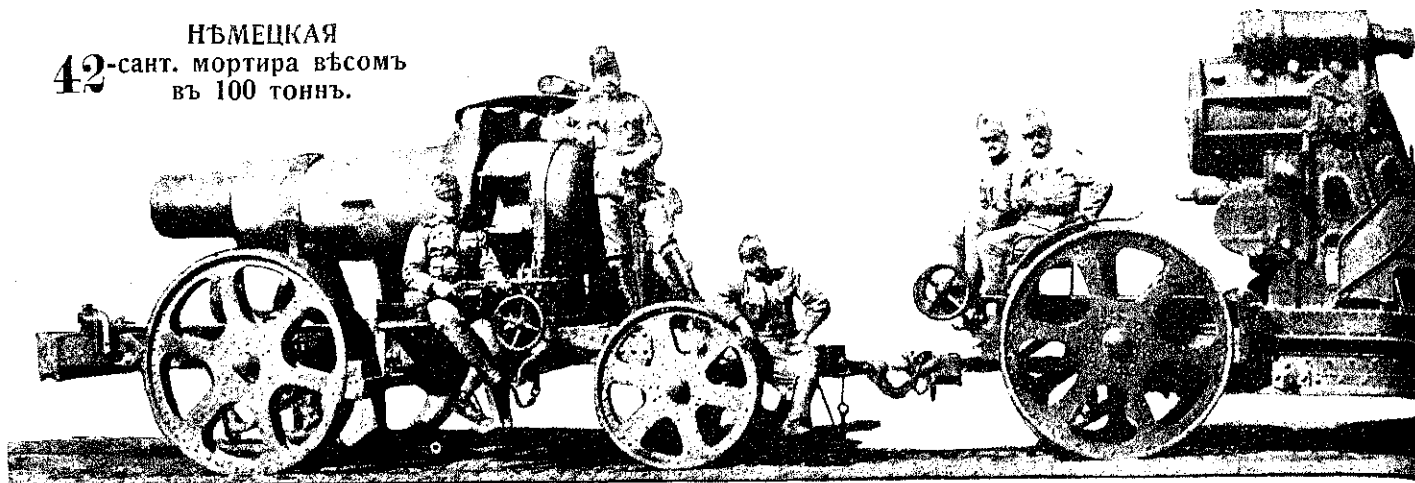
Если присмотрѣться къ способу веденія войны германцами,—мы и тутъ замѣтимъ неуваженіе ими національно-культурныхъ правъ и историческихъ традицій другихъ народовъ.

Лувенъ, Малинъ, Антверпенъ, Шантильи и Реймская каедраль разрушены не варварами, которые по невѣжеству предають уничтоженію бібліотеки, храмы, музеи. Нѣмцы отлично знаютъ цѣну искусству, наукѣ и религіозному вдохновенію. Но они *не уважаютъ*, для нихъ нѣтъ ничего святого, разъ это принадлежитъ не имъ, а другимъ. И это озлобленное неуваженіе куда хуже грубаго варварства ордъ Аттилы и Тамерлана.

Міръ борется съ Германіей, повторяемъ, не только за рынки и за право господства. Ведется борьба противъ крайностей матеріальной культуры, что создала Германія. Мы боремся за нныя принципы сожителства людей. И отъ успѣшной войны Россія ждетъ новой жизни. Мы должны поэтому побѣдить, какъ бы велики ни были жертвы: побѣда оздоровитъ нашу жизнь, и Россія бодро пойдетъ по тому пути, который предопредѣляетъ свободной и великой странѣ.

НѢМЕЦКАЯ
42-сант. мортира въсомъ
въ 100 тоннъ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

П И С Ъ М А О В О Й Н Ъ.

ВЪ московскихъ газетахъ
опубликованъ протестъ
«писателей, художниковъ и

артистовъ» противъ вандализма германцевъ *). Подписанный уважаемыми именами, этотъ документъ долженъ былъ бы имѣть большое, даже историческое значеніе, какъ голосъ избранныхъ людей, неподкупныхъ стражей совѣсти и достоинства народнаго. Если въ обычное мирное время такой коллективный голосъ рѣдко выходитъ за предѣлы родной страны и обладаетъ значительностью «событія внутренняго», то теперь, когда каждое изъ борющихся государствъ представляетъ собою какъ бы единое лицо, онъ приобретаетъ характеръ и значеніе факта международнаго, далеко выходящаго за границы Россіи. Въдѣ, не самихъ же себя, не русскихъ только, хотятъ убѣдить писатели въ вандализмъ германцевъ, а желаютъ естественно въ протестѣ своемъ міру предоставить судъ надъ позорными дѣяніями, передъ міромъ выражаютъ чувство своего негодованія. Такъ же поступаютъ съ своей стороны и германцы: и ихъ извѣстное заявленіе-протестъ, подписанное также писателями и учеными, рассчитано на широкое международное распространеніе и такое же вліяніе.

Къ сожалѣнію, опубликованный протестъ едва ли можетъ достигнуть столь важной цѣли и въ силѣ своей не соответствуетъ важности задачи. Причины этого кроются и въ содержаніи его и въ формѣ, рѣшительно неудачной. Написанный языкомъ вялымъ, мало похожимъ даже на обычный языкъ сильной русской литературы, составленный въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ и даже темныхъ, не сразу и не совсѣмъ понятныхъ, полный какой-то внутренней нерѣшительности, онъ прискорбно напоминаетъ обыч-

ОСВОБОЖДЕНІЕ.

ныя рѣшенія нашихъ интеллигентскихъ третейскихъ судовъ, гдѣ судьи, въ своемъ

мягкосердечіи, больше всего стараются о томъ, какъ бы не обидѣть ни той, ни другой стороны. Очень возможно, что такая форма является отчасти вынужденной: естественное желаніе собрать больше подписей и притомъ людей, далеко не одинаково мыслящихъ, заставило составителей смягчить весь тонъ, сгладить рѣзкіе углы и самый коренной смыслъ заявленія разбить на нѣсколько частныхъ и порой даже противорѣчивыхъ смысловъ. Однако, если это такъ, то приходится пожалѣть дважды: и о напрасномъ трудѣ составителей, и о томъ, что даже въ оцѣнкѣ настоящей войны, со всѣми сопутствующими ей явленіями, какъ вандализмъ нѣмцевъ, все же находится достаточное число разномыслящихъ въ самой средѣ руководителей общественной мысли, въ средѣ наиболѣе правомочныхъ представителей народной совѣсти нашей. Кстати, я не замѣтилъ, чтобы петроградскія газеты перепечатали указанный протестъ; судя по этому печальному признаку, едва ли протестъ дойдетъ до заграницы—тѣмъ болѣе, что въ переводѣ можетъ окончательно затемниться и безъ того достаточно неясный смыслъ заявленія (протестомъ называю его я, а въ подлинномъ онъ вовсе не имѣетъ опредѣляющаго заглавія, именуясь просто «Отъ писателей, художниковъ и артистовъ»).

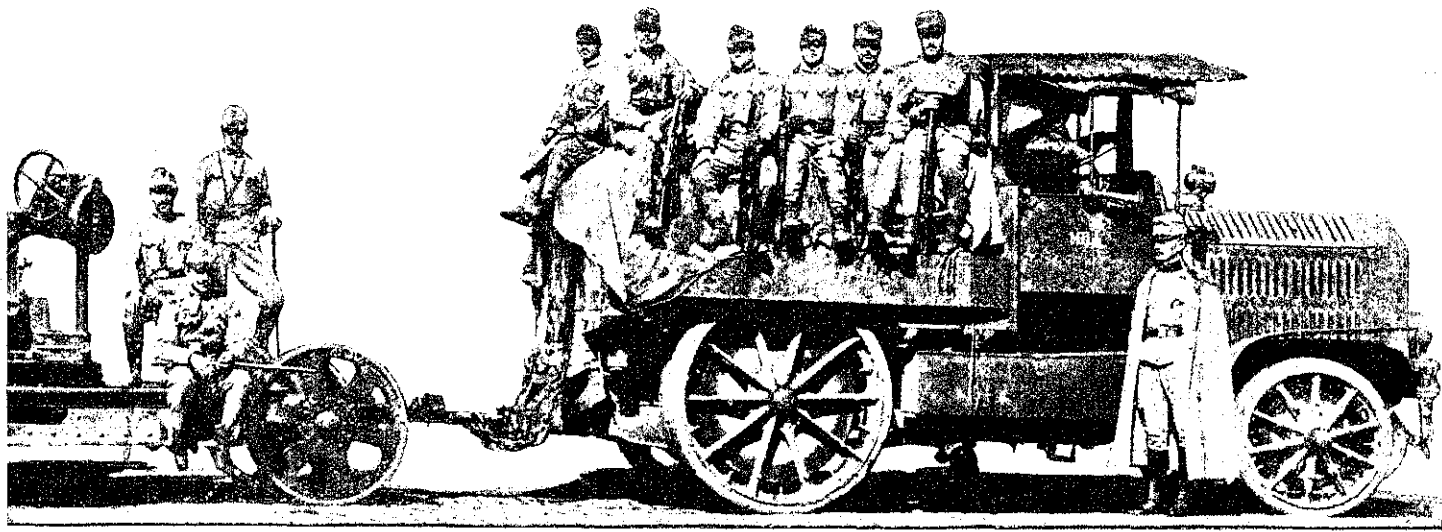
Я очень извиняюсь передъ уважаемыми товарищами-литераторами, подписавшими заявленіе, за эту мою невольную и запоздалую критику, бесплодную и отчасти даже вредную по отношенію къ совершившемуся факту; и только важность переживаемыхъ событій и то чувство отвѣствен-

*) ОТЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВЪ И АРТИСТОВЪ.

Къ роднѣ и ко всему цивилизованному міру обращаемъ мы нашъ голосъ.

То, чему долго отказывались вѣрить сердце и разумъ, стало, къ великому стыду за человѣка, непреложнымъ: каждый новый день приноситъ новыя страшныя доказательства жестокостей и вандализма, творимыхъ германцами, въ той кровавой брани народовъ, свидѣтелями которой суждено намъ быть, въ томъ братоубійствѣ, что безумно вызвано самими же германцами ради несбыточной надежды владычествовать въ мірѣ насильемъ, возлагая на вѣсы мирового правосудія только мечъ. Мнится, что, забывъ свое славное прошлое, возвращается Германія къ алтарямъ тѣхъ жестокихъ національных боговъ, для побѣды надъ которыми воплощался на землѣ Единный Милосердный Богъ. Войска же ея какъ бы взяли на себя низкую обязанность напомнить человѣчеству, что еще живъ и силенъ древній звѣрь въ человѣкѣ, что даже народы, идущіе во главѣ цивилизующихся народовъ, легко могутъ, давъ свободу злой волѣ, уподобиться своимъ пращурамъ, тѣмъ полунагимъ полчищамъ, что пятнадцать вѣковъ тому назадъ раздвали своей тяжелой пятой античное наследіе: какъ нѣкогда, снова гибнутъ въ пожарахъ драгоцѣнныя созданія искусства, храмы и книгохранилища, сметаются съ лица земли цѣлые города и селенія, кровью текутъ рѣки, по грудамъ труповъ шагаютъ одичавшіе люди; и тѣ, изъ устъ которыхъ такъ тяжело вырывается кличъ въ честь своего преступнаго повелителя, чинятъ, долѣвая, неслыханныя мучительства и безчестіе надъ беззащитными, надъ стариками и женщинами, надъ пѣвными и ранеными. Пусть же впишутся въ Книгу Судебъ злодѣянія эти неслыханными письмецами. И да внушатъ они намъ только одно страстное желаніе: вырвать изъ варварскихъ рукъ оружіе, навсегда лишить Германію той грубой мощи, на достиженіе которой устремилъ она всѣ свои помыслы. Уже прорастаетъ широко брошенное ея рукой сѣмя національной гордыни и ненависти; пламенемъ можетъ перекинуться ожесточеніе къ другимъ народамъ. И громко раздадутся тогда голоса осѣбленныхъ гибелью, — голоса требующихъ мести и отрекающихся даже отъ всего великаго и прекраснаго, что было создано гениемъ Германіи на радость и достояніе всего человѣчества. Но заставимъ себя помнить гибельность такихъ путей: ибо тотъ черный грѣхъ, которымъ покрыла себя Германія, обижая мечъ, и то звѣрское, что дозволила она себѣ въ ослѣпленіи борьбы, есть неизбежное слѣдствіе мрака, въ который добровольно вступила она, чинѣ поощряемая даже своими поэтами, учеными, вождями общественными и политическими. Противники ея, несущіе народамъ миръ и освобожденіе, вѣстину должны быть руководимы лишь священными чувствами!

ности, которое я испытываю наравнѣ съ остальными, позволяет мнѣ выступить съ отдѣльнымъ мнѣніемъ, которое въ нѣкоторыхъ частяхъ даже совпадаетъ съ мыслями ихъ общаго заявленія.

Такъ, я всецѣло и безъ колебаній присоединяюсь къ первой части заявленія, гдѣ выражено возмущеніе «жестокостями и вандализмомъ» германцевъ,—но уже въ этой, первой фразѣ натываюсь на слово, которое, на мой взглядъ, совершенно не соответствуетъ правдѣ переживаемаго. Тамъ сказано: «...творимыхъ германцами въ той кровавой брани народовъ, свидѣтелями которой суждено намъ быть». Когда весь нашъ народъ волею судебъ призванъ къ ужасному бранному дѣлу, когда десятки и сотни тысячъ нашихъ согражданъ гибнутъ въ невыносимыхъ страданіяхъ на поляхъ безконечно длительныхъ битвъ—мы, русскіе писатели, художники и артисты, не можемъ быть только свидѣтелями: мы всѣмъ сердцемъ нашимъ, нашимъ страданіемъ и болью, всей нашей мыслью и душой являемся участниками происходящаго. И это отнюдь не придирка къ неудачному слову: къ сожалѣнію, тонъ именно свидѣтельства слишкомъ характерно выраженъ въ дальнѣйшемъ текстѣ заявленія.

Такъ, утрированнымъ безкорыстіемъ свидѣтеля звучатъ эти странныя слова: «Уже прорастаетъ широко брошенное ея (Германіи) рукой сѣмя національной гордыни и ненависти; пламенемъ можетъ перекинуться ожесточеніе къ другимъ народамъ. И громко раздадутся тогда голоса ослабленныхъ гнѣвомъ—голоса требующихъ мести и отрекающихся даже отъ всего великаго и прекраснаго, что было создано гениемъ Германіи на радость и достояніе всего человѣчества».

На какіе народы, куда пламенемъ можетъ перекинуться «уже прорастающее сѣмя національной гордыни и ненависти», какъ намекаетъ заявленіе? Кто это уже загорается національной гордыней и ненавистью: французы, бельгійцы, поляки или мы, русскіе? И противъ кого, собственно, тогда этотъ протестъ: противъ германцевъ, которые разрушили Лувръ, или противъ французовъ, бельгійцевъ, насъ самихъ, которые пока ничего еще не разрушили, да и не собираются разрушать? Дальнѣйшія слова заявленія гласятъ: «Но заставимъ себя помнить гибельность такихъ путей...»—очевидно, рѣчь въ значительной степени идетъ о насъ самихъ: направленный противъ германцевъ, протестъ непонятнымъ образомъ повернулся противъ самихъ протестующихъ, и голосъ возмущенія превратился въ шопотъ страха за самихъ себя, недовѣрія къ собственной культурности. Странное недовѣріе! Странная двойственность обоюдоостраго протеста, одной рукой отражающаго несомнѣнно виновныхъ германцевъ, а другую руку поднимающаго противъ ни въ чемъ неповинныхъ друзей и самихъ себя! А что это за робкія слова обо «всемъ великомъ и прекрасномъ, что было создано гениемъ Германіи на радость и достояніе всего человѣчества»?

Въ то время, когда вся радикальная часть дѣйствующей и мыслящей Европы идетъ на ратное поле, какъ на священнѣйшій подвигъ за миръ и свободу народовъ; когда непримиримый антимилитаристъ Эрве съ улыбкой готовъ послушать «тщеславную пѣсню стараго галльскаго плѣтуха»; когда социалистъ-министръ Вандервельде со слезами собираетъ документальный матеріалъ, свидѣтельствующій о безчестіи германскихъ войскъ; когда въ той же нашей Москвѣ проф. Анучинъ въ превосходной статьѣ своей съ ужасающей очевидностью показываетъ, къ чему вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ стремится «геній Германіи»; когда маститый и глубокочтимый П. Кропоткинъ называетъ войну «освободительной», и считаетъ несомнѣннымъ, что торжество Германіи «принесетъ Европѣ новое и еще болѣе суровое пораженіе»; когда французскіе синдикаты уже разоблачили всю двойственность, моральное и идейное безсиліе и прусскую сущность германскаго социализма,

—въ это самое время русскіе писатели, художники и артисты съ безконечными колебаніями и грустной нерѣшительностью что-то говорятъ о «широко прорастающемъ сѣмени національной вражды и ненависти», пламя которыхъ «можетъ перекинуться и на другіе народы», трогательно заботятся о «геніи Германіи», совершенно умалчивая о томъ, что и у французскаго народа, и у нашего, и у бельгійскаго и т. д. также есть свой геній, создавшій не мало прекраснаго и великаго. Въмѣсто яснаго, твердаго и смѣлаго утвержденія нашей воли къ войнѣ и побѣдѣ надъ реакціонной Германіей, свинцовымъ грузомъ вотъ уже десятки лѣтъ лежавшей и на нашей свободѣ, писатели, художники и артисты въ своемъ воззваніи къ «родинѣ и всему цивилизованному міру» даютъ что-то половинчатое и безсильно интеллигентское, сложившееся подъ множествомъ противорѣчивыхъ вліяній. Еще разъ искренне извиняюсь: я глубоко убѣжденъ, что многіе изъ подписавшихся думали и чувствовали гораздо больше, сильнѣе и ярче, чѣмъ это дано въ заявленіи, имѣющемъ, помимо прочаго, характеръ нѣкоторой случайности,—но оно является фактомъ, съ которымъ всѣ мы вынуждены считаться. И поскольку и мой голосъ, какъ немолодого уже писателя, является важнымъ на ряду съ другими голосами, я зову отнюдь не къ раздору, не къ разсѣдиненію сплѣ, а, наоборотъ, къ вѣчному ихъ и крѣпчайшему соединенію въ борьбѣ за наше общее благо и священную цѣль: чело-вѣчность.

II.

И прежде всего, къ гордости нашей, я не вижу рѣшительно никакихъ основаній опасаться, чтобы мы, въ Россіи, ослабленные гнѣвомъ или ненавистью, когда-либо «отреклись отъ всего великаго и прекраснаго, что было создано

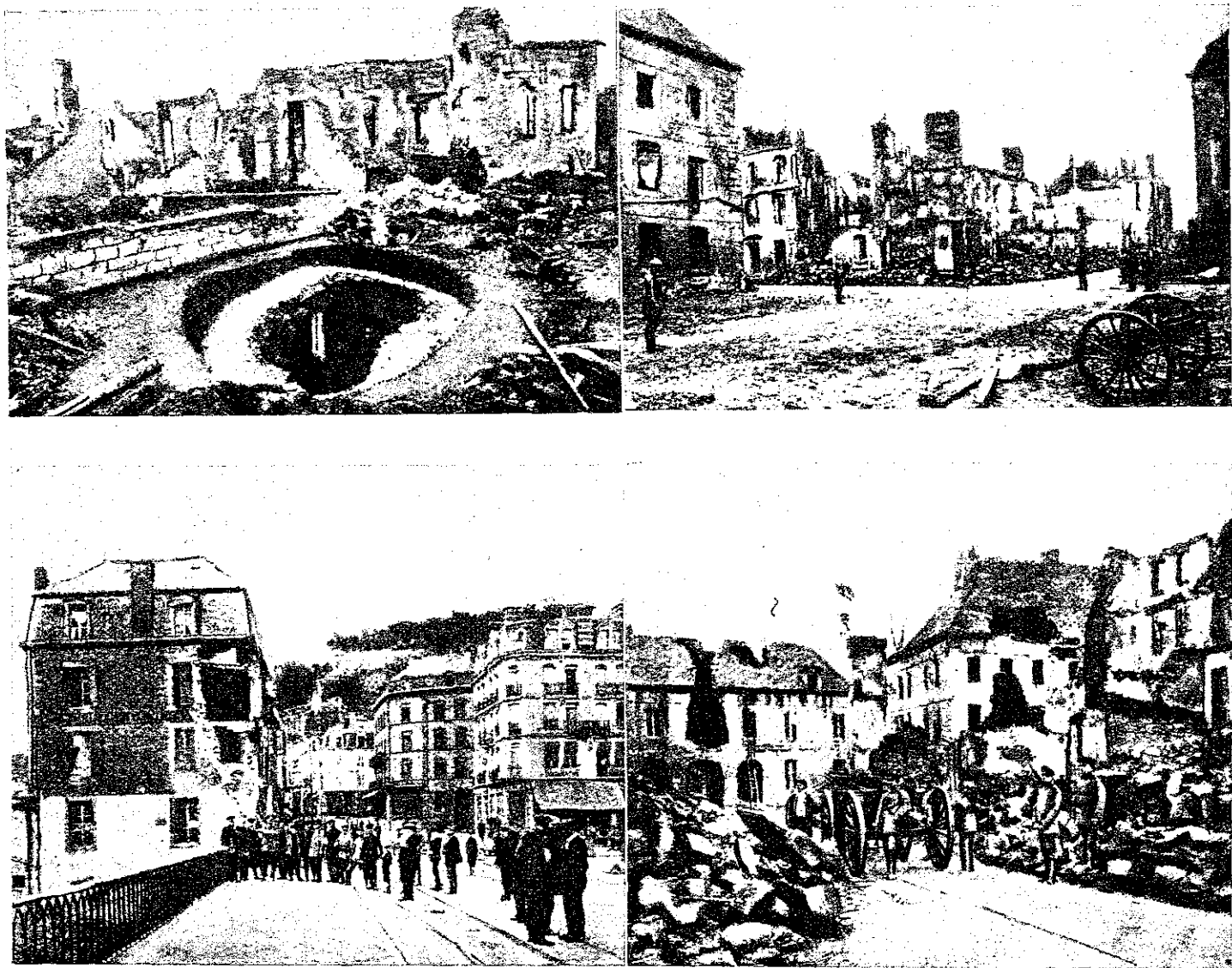

геніемъ Германіи». Тѣ обычныя при всякой войнѣ отрицательныя явленія, какъ крикливый патріотическій лубокъ, травля отдѣльных нѣмецкихъ подданныхъ^{*)}, отказъ (да и то временный) ставить пьесы нѣмецкихъ авторовъ—имѣютъ значеніе поистинѣ ничтожное и остаются на низинахъ нашей жизни; да и тутъ надо быть справедливымъ къ себѣ и сказать по чистой совѣсти, что даже такія проявленія духа слѣпного и темнаго въ этотъ разъ чрезвычайно рѣдки и малозначительны. Важно отмѣтить, что наша архангелско-реакціонная печать, которая обычно и бывала создательницей патріотическаго неприличія и дико-воинственнаго

выяснить всю важность и значительность этого факта; важно лишь то, что съ низовъ намъ не приходится ожидать отреченія отъ даровъ германскаго генія, а скорѣе наоборотъ: излишняго ихъ утвержденія.

Что же касается интеллигенціи нашей, то мнѣ кажется смѣшною самая мысль о томъ, чтобы когда-нибудь мы

«ДѢЙСТВІЕ НАШЕЙ АРТИЛЛЕРІИ».

Эти рисунки взяты изъ нѣмецкаго иллюстрированнаго журнала «Der Welt Spiegel». Нѣмцы любятъ воспроизводить картины разрушеній произведенныхъ ихъ войсками. При разрушеніяхъ запятыхъ любятъ сниматься нѣмецкія солдаты. А журналы печатаютъ снимки съ надписью «Дѣйствіе нашей артиллеріи».

шума, въ этотъ разъ не безъ основанія настроена противъ войны и гораздо даже болѣе, чѣмъ мы, заботится о германскомъ геніи, горькими слезами оплакиваетъ Вильгельма, которому хоть и удалось разрушить «жидовскій Лувенъ», но дальше идти не дастъ все тотъ же «жидовскій кагалъ». Сейчасъ не настолько хороша погода, чтобы подробице

^{*)} Къ числу наиболѣе отвратительныхъ явленій такого порядка относятся погромы германскихъ магазиновъ, имѣвшіе мѣсто въ Англіи и, на-дняхъ, у насъ въ Москвѣ; но и здѣсь дѣло не въ «германскомъ геніи», а въ томъ, что доселѣ ни одинъ еще народъ не избавленъ отъ позора—имѣть свою умственную и моральную чернь.

Л. А.

отреклісь отъ даровъ нѣмецкаго генія, разлюбили Шиллера, перестали читать Канта и Шопенгауэра, забыли Лассалля и Маркса и въ печку выбросили Гёте. Даже и Гауптманъ, какія бы немѣлости онъ ни выкрикивалъ, останется на нашихъ полкахъ, вмѣстѣ со всѣми остальными нѣмецкими писателями. При самомъ сильномъ напряженіи фантазіи невозможно вообразить русскаго музыканта, который отказался бы отъ Вагнера, русскаго соціолога, мыслителя, философа или практическаго общественнаго дѣятеля, который пренебрегъ бы колоссальнымъ идейнымъ опытомъ, накопленнымъ Германіей. Это просто невозможно. Но даже и найдись такой, въ видѣ разительнаго исключенія, онъ не

могъ бы осуществить своего отказа, не разрушивъ тѣмъ самымъ всей своей личности: дары германскаго генія уже давно поглощены нами, вошли въ нашу кровь и плоть, организовались, составляютъ нѣчто совершенно отъ насъ неотдѣлимое. Какъ не могу я выдѣлить изъ себя капельку татарской, польской или малороссійской крови, которая,

и въ какомъ бы народѣ оно ни родилось. Начиная съ призыва варяговъ и Владимира, искавшаго за моремъ лучшую вѣру для своего народа, продолжая Великимъ Петромъ и поднесъ — Россія съ ненасытимой жадностью зоветъ къ себѣ учителей изъ всѣхъ странъ, съ радостью принимаетъ всякій талантъ, который можетъ ей хоть что-нибудь дать,

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II и МОЛТКЕ НА ПОЗИЦИЯХЪ.

(The Sphere).

вѣроятно, во мнѣ есть, такъ не можемъ мы, если бы даже и захотѣли, отдѣлить въ нашей психикѣ и жизни то, что дали намъ геніи всѣхъ народовъ, что уже давнымъ-давно стало нашей собственностью, нашей наследственностью.

Ибо наша настоящая русская гордость заключается въ томъ, что мы, по счастью, умѣемъ цѣнить, любить и почитать все великое и прекрасное, подъ какими бы широтами

широко раскрывается для идеи. И естественно, что старый и богатый Западъ, самъ вскормленный молокомъ Рима и Греціи, корни своей мощной культуры скрывающій въ неизлѣпимой глубинѣ прошлаго, сталъ для насъ неизлѣпимой сокровищницей идейнаго, тысячелѣтними накопленнаго опыта.

Но если Европа, по слову Достоевскаго, является для насъ второй и даже первой родиной, то для идей Европы

Россія давно уже стала вторымъ отечествомъ, порою лучшимъ, чѣмъ первое, — подобно Америкѣ для эмигрантовъ. Нигдѣ такъ хорошо не живетъ идея, нигдѣ она не имѣетъ столь страстныхъ прозелитовъ, чѣмъ у насъ; и на какомъ бы языкѣ ни началъ говорить писатель и философъ, онъ очень быстро становится русскимъ, переживается нами съ болью и трепетомъ, занимаетъ почетное мѣсто въ божинѣ. Скорѣе своего мы захваемъ и будемъ держать его въ черномъ тѣлѣ: свой человекъ, не обидится и никуда не уйдетъ, но талантливаго чужеземца мы любимъ искренне и горячо, — и когда прѣзжали къ намъ въ послѣдніе дни Верхаритъ и Уэльсъ, развѣ не чувствовали они себя дома, у своихъ?

Нынѣшней весной мнѣ пришлось слышать жалобы въ Римѣ, что, при наличности своей довольно бѣдной текущей литературы, итальянцы совсѣмъ не переводятъ и не знаютъ не только насъ, русскихъ, но и англичанъ, и французовъ, и нѣмцевъ. Тѣ же жалобы слышалъ я много лѣтъ назадъ и въ Берлинѣ, хотя и не въ столь рѣзкой формѣ; послѣднее же время, какъ извѣстно, сами нѣмцы жалуются на другое: на засилье въ Германіи русской литературы, что воистину смѣшно и можетъ свидѣлствовать только объ ихней нетерпимости: переведено въ Германію ничтожное количество русскихъ произведений. Но и Франція, и Англія и Америка также мало переводятъ у себя иностранцевъ, довольствуясь собственной литературой, что далеко не всегда оправдывается ея настоящимъ состояніемъ. Было бы смѣшно предположить, что англичане такъ же знаютъ нашего Лермонтова,

какъ мы ихъ Байрона, или нѣмцы знаютъ Пушкина, какъ мы Гёте, или что во Франціи знаютъ какого-то берлинца Юліуса Штинде, который въ Россіи вышелъ даже въ популярномъ Пантелѣевскомъ изданіи. Впрочемъ, все это слишкомъ извѣстно, и доказывать ихъ малое знакомство не только съ нами, но и другъ съ другомъ, было бы излишне.

И конечно, они отъ этого теряютъ, ибо теряетъ всякій, кто не знаетъ. Варясь въ собственномъ соку, не расширяя сферы чувственного и идейнаго опыта введеніемъ новыхъ и расово чуждыхъ элементовъ, жеманясь, такъ сказать, на кровныхъ, — они суживаютъ свое міросозерцаніе и мироощущеніе, а національное свое сгущаютъ порой до степени уродства, чему примѣръ та же самодовлѣющая и ограниченная Германія. Неловко сказать, что и въ Англіи нашъ балетъ и передѣланная «Анна Каренина» и Шаляпинъ сыграли такую исключительную историческую роль: они открыли англичанамъ глаза на существованіе цѣлой новой Россіи, о которой даже и не подозревалось:

Какъ извѣстно, германцы мечтаютъ въ лицѣ своемъ возродить могучую Римскую имперію, и въ этой роман-

тической мечтѣ своей черпаютъ даже особыя силы. Но они забыли, что однимъ изъ древнѣйшихъ зданій Рима является Пантеонъ, что у широко смотрѣвшихъ римлянъ, на ряду съ ихъ римской идеей, существовалъ и алтарь «невѣдомому богу». И имъ не удастся стать новымъ Римомъ, пока мѣсто Пантеона у нихъ занимаетъ Аллея Побѣдъ и алтари ставятся только Браденбургскимъ Курфюрстамъ. Излишекъ національно-сгущенного самочувствія хорошъ только при защитѣ, когда слабому приходится отстаивать свою самобытность передъ лицомъ сильнѣйшаго, но при нападѣніи съ широкими цѣлями онъ вреденъ.

При этихъ условіяхъ, опасаться, что мы когда-нибудь можемъ отречься отъ даровъ нѣмедкаго гевія, повторяю, нѣтъ никакихъ основаній. Можно почти съ увѣренностью сказать, что ни одинъ народъ не обладаетъ даромъ такого совершеннаго пониманія красоты и величія, какъ русскій, такой широтой и свободой воспріятія, не связаннаго мелкими національными или иными чувствами. Въ этомъ наше богатство; этимъ свойствомъ нашимъ объясняется и тотъ необыкновенно быстрый ростъ Россіи

за послѣднее столѣтіе, котораго мы сами какъ будто не замѣчаемъ и не цѣнимъ единственно по скромности. Отсталые во многихъ другихъ отношеніяхъ (что мы сами хорошо знаемъ), — въ области духовной культуры мы достойны идти рука объ руку съ наиболѣе передовыми народами свѣта; и никакимъ силамъ реакціи никогда не удастся втиснуть нашъ свободный и широкій духъ въ узкое русло націонализма съ его

АНТВЕРПЕНЪ ВЪ ПЛАМЕНИ.

Жители Антверпена въ паникѣ покидаютъ городъ, освѣщенный пламенемъ пылающихъ керосиновыхъ баковъ, прожекторами и огнями гранатъ.

ужасной нетерпимостью и подмѣной высокаго солнца, для всѣхъ равно сіяющаго, мѣстными фонариками.

И совершенно излишне, какъ то сдѣлано въ воззваніи писателей, художниковъ и артистовъ, — «напоминать гибельность такихъ путей»: нашъ путь намѣченъ давно, и колени его такъ глубоки, что не случайностямъ даже міровой войны стереть и загладить ихъ.

III.

И какъ мы не откажемся отъ Шиллера, — раньше германцы сдѣлаютъ это, — такъ не сдѣлаемся мы шовинистами и милитаристами, каковъ бы ни былъ исходъ войны. И въ этомъ отношеніи нѣкоторый страхъ воззванія, что «пламенемъ можетъ перекинуться ожесточеніе къ другимъ народамъ», и напоминаніе «гибельности такого пути» мнѣ представляются не обоснованными, вызванными не столько реальными объективными причинами, сколько субъективнымъ настроеніемъ людей, несвоевременно занявшихъ свидѣтельскую скамью.

Стоитъ даже только поверхностно оглянуться на пройденный нами историческій путь, чтобы убѣдиться русскаго народа для культа ми-

литаризма,

Наше воинство всегда имѣло ограниченно дѣловой и рабочей характеръ, были ли это стрѣльцы Грознаго или даже по прусскому образцу («геній Германіи») обученные и сѣорганизованные солдаты Павла Перваго; съ развитіемъ же въ Россіи гражданственности и съ осуществленіемъ всеобщей воинской повинности,

славная армія наша стала лишь частью по необходимости вооруженнаго народа. Специфическій «воинскій духъ», самодовольное горбіііе на алтарѣ Марса,

гордое самоуслажденіе и самообожаніе, какое находимъ мы въ германской арміи, всегда были чужды русскому воинству.

Когда я вижу на улицѣ Берлина только трехъ солдатъ, марширующихъ со смакомъ и необыкновенной энергіей, или трехъ такихъ же офицеровъ, гуляющихъ по Тиргартену и среди дружеской бесѣды не теряющихъ всей строгости прусскаго равненія, они даютъ мнѣ большее чувство войны, чѣмъ цѣлый корпусъ нашихъ солдатъ, проходящихъ по Москвѣ или Петрограду. Нельзя объяснить, не парисовать, въ чемъ тутъ особенность: она во всемъ жреческомъ обликѣ прусскихъ героевъ, точно въ каждую минуту предстоящихъ богу войны и крови, она въ самомъ воздухѣ

Берлина, въ мрачномъ видѣ его марширующихъ домовъ и стратегически распланированныхъ улицъ. Тамъ это—каста, тамъ это избранные, красота для красоты, искусство для искусства. Они не часть народа, какъ въ Россіи, а весь народъ только матеріалъ для нихъ, стремя для ихъ ноги. Тамъ частное поглощаетъ цѣлое, армія покрываетъ народъ.

И этой связью нашей арміи съ народомъ, какъ съ цѣлымъ, многое объясняется въ исторіи нашихъ неудачныхъ и удачныхъ, какъ настоящая, войнъ. Если германецъ еще со временъ ландскнехтовъ готовъ драться и убивать кого угодно, не доискиваясь причинъ и поводовъ, то у насъ только «народныя» войны, понятныя если не разуму, то чувству народа, ведутъ наши войска къ побѣдѣ и вскрываютъ въ нихъ такую силу, такое несокрушимое упорство, такую высокую доблесть, передъ которой съ недоумѣніемъ останавливаются противники, обманутые нашими неудачами въ какую-нибудь японскую войну. Войска какъ будто тѣ же и все то же, съ той лишь невыгодной разницей, что противникъ гораздо сильнѣе и страшнѣй, а эффектъ всеѣмъ другой, весьма неожиданный. Но неожиданный для нихъ, которые такъ мало насъ знаютъ, онъ не долженъ

удивлять насъ: мало пригодныя для авантюръ и милитаристскихъ наскоковъ, — для войны съ высшими цѣлями наши войска обладаютъ всею силою и доблестью народа.

И ожидать, что ожесточеніе и ненависть перекинутся къ намъ, что волна безудержнаго прусскаго милитаризма можетъ подхватить и насъ—нѣтъ никакихъ основаній, кромѣ излишняго недоумѣнія къ себѣ и своимъ далеко еще не испробованнымъ силамъ. Тѣ же всѣмъ извѣстныя отклоненія отъ начертанной мною схемы, которыми достаточно обильно наше далекое и недавнее прошлое, въ значительной степени навязаны и намъ извнѣ и родиною своею—какъ это ни странно—имѣютъ все ту же Германію, съ которой нынѣ такъ мужественно и самоотверженно борется Россія. И вовсе не надо намъ, писателямъ, брать подъ свою высокую руку и охрану «геній Германіи», съ его великимъ и прекраснымъ. Поскольку онъ дѣйствительно геній, онъ не пужается ни въ чьей защитѣ и предстательствѣ, а наоборотъ, самъ защищаетъ насъ, устами

Гейне, Шиллера поддерживая насъ въ борьбѣ съ теперешней Германіей; а поскольку его истинная сущность искажена ными многообразными правленіями германскаго ума, силы и таланта—намъ надлежитъ подвергнуть его серьезной, основательной, вдумчивой и честной провѣркѣ и безъ дальнѣйшихъ колебаній отблать пшеницу отъ плевелъ.

Это сдѣлать уже давно, а теперь, когда Россія всту-

паетъ въ новую историческую фазу существованія, это сдѣлать необходимо... Да, я понимаю тотъ честный страхъ, который могутъ вызвать мои слова, и самъ отчасти раздѣляю его. Дѣйствительно, до самаго послѣдняго времени борьба въ Россіи за нашу самобытность носила чрезвычайно непривлекательный характеръ и даже въ самыхъ честныхъ рукахъ вскорѣ превращалась въ орудіе реакціи и пораженія слабѣйшихъ; и очень страшно при такихъ условіяхъ вступать въ борьбу съ германизмомъ, предчувствуя, что нежелательные союзники очень быстро искажутъ и загадятъ смыслъ нашихъ поступковъ и на мѣсто необходимой переоцѣнки цѣнностей подставятъ глубѣйшую «германофобію». Но—условія мѣняются съ каждымъ днемъ, мы это видимъ. А затѣмъ—въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло не съ слабѣйшимъ, не съ тѣмъ, кто волею судьбы отданъ въ наши руки, не съ тѣмъ, зависящее и безправное положеніе котораго должно удерживать на нашихъ устахъ даже самые справедливые упреки: нѣтъ, мы имѣемъ и будемъ имѣть дѣло съ сильнѣйшимъ и уже во всякомъ случаѣ равносильнымъ.

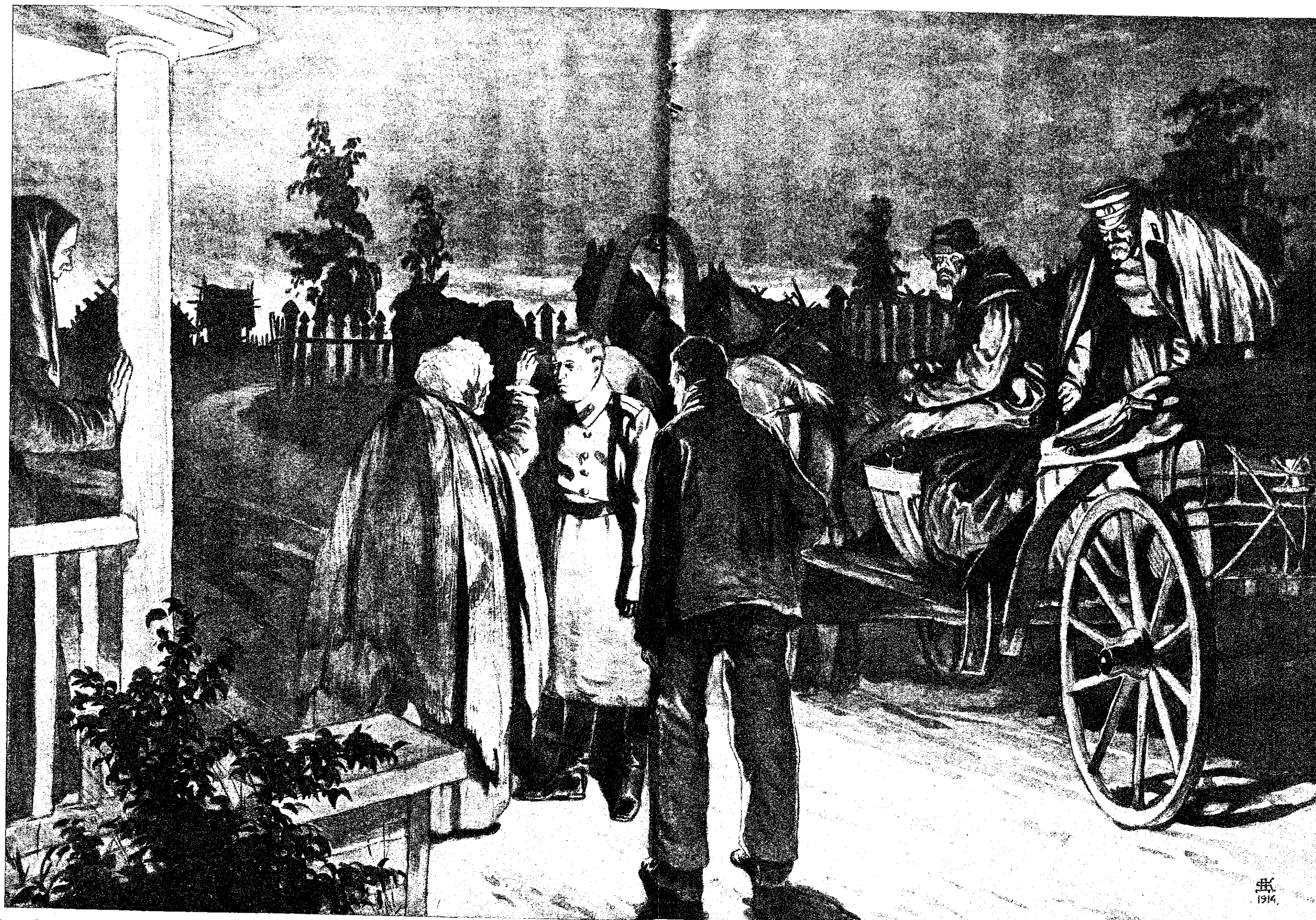
И какъ въ войнѣ съ Германіей мы являемся стороною

«ЧЕМОДАНЫ».

Чудовищныя германскія ядра не пугаютъ ни нашихъ солдатъ, ни союзниковъ. Наши солдаты фамиллярно зовутъ ихъ чемоданами, а англичане—черными Малиами, Джэками, хотя на свѣтѣ еще не существовало болѣе смертоносныхъ снарядовъ. Взрываясь, они образуютъ въ землѣ огромную воронку, въ которой помѣщается 5—6 конскихъ труповъ.

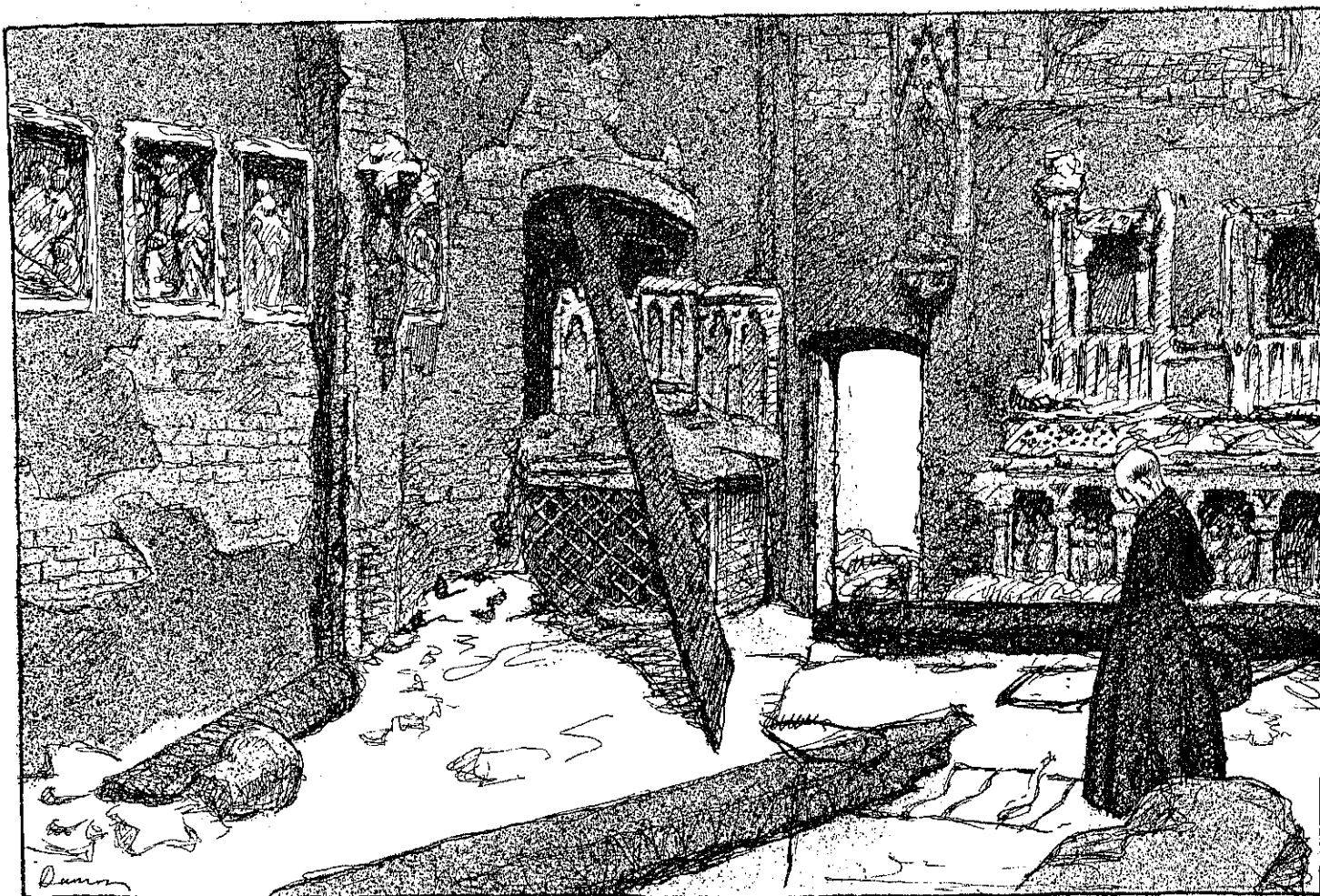

Проф. Д. Кардовскій.

П Р О В О Д Ы.

Собств. журн. «Отечество».

Франсуа Дамонь.

ВЪ РАЗРУШЕННОМЪ ХРАМѢ.

Собств. журн. «Отечество».

обороняющейся, а не нападающей, такъ и здѣсь, въ борьбѣ съ германизмомъ, задача наша ограничивается самообороной, возвращеніемъ духа нашего въ его естественныя границы, восстановленіемъ тѣхъ особенностей нашей души, мышленія и жизни, морали и эстетики, политики и общественности, на которыхъ съ давнихъ поръ лежитъ тяжелое ярмо пруссачества. Вѣдь, если про Германію говорятъ нѣмецкіе мыслители, что въ послѣдніе годы она подверглась «опрусевнію», то съ неменьшимъ правомъ это можетъ быть сказано и про Россію, ея ближайшую сосѣдку, ея матеріальный, идейный и политическій рынокъ.

Работа предстоитъ огромная, и только при высочайшемъ напряженіи всѣхъ духовныхъ силъ страны она можетъ быть приведена къ надлежащему концу. Дѣло не въ крикахъ, какъ бы громки они ни были, не въ язвительныхъ насмѣшкахъ, не въ бойкотѣ всѣхъ нѣмецкихъ товаровъ, нѣмецкихъ фамилій и нѣмецкихъ мыслей—все это вредныя пустяки, которые кончатся выѣстѣ съ войной. Необходимо вдумчивый, спокойный и честный анализъ всѣхъ отравленій нашей жизни, начиная съ школы, построенной вовсе не по классическому, а чисто-прусскому образцу, и кончая самой манерой нашей мыслить и чувствовать; начиная съ бюрократіи нашей и кончая нашими способами веденія общественной борьбы. Ибо, поистинѣ, мы сами не знаемъ той гранды, гдѣ кончается давнишнее, вѣковое опрусевіе русской жизни и русскаго духа.

Какъ наши арачьевскіе военныя поселенія вовсе не были изобрѣтеніемъ русскаго ума, а пришли къ намъ изъ Германіи и явились какъ бы прообразомъ и предчувствіемъ того, во что должна будетъ превратиться сама Германія—такъ и многія другія отвратительныя стороны нашей жизни представляются миѣ заимствованными изъ того же мутнаго источника. Всякія наши «анти» и «фобіи», страстное обожаніе дисциплины, отъ котораго порою не могутъ уйти даже свободнѣйшіе, постоянныя попытки начала живой

жизни подмѣнить началами механическими, разрушеніе сложной личности и сведеніе ея къ узкой абстракціи, пышный расцвѣтъ полудейскихъ началъ,

—все это въ значительной степени данайскіе дары «германскаго гения», принятаго во внутрь цѣликомъ. Превосходные мыслители, но очень плохіе психологи, единственные въ мірѣ логики, но не провидцы, не художники, не пророки,—они самый міръ живыхъ идей подчинили желѣзной армейской дисциплинѣ и табель о рангахъ ввели въ философію. Не это ли имѣлъ въ виду Роланъ, когда бросилъ крылатое слово о «милитаризаціи интеллектуальной сферы»?

Когда началась война и печать всего міра заговорила о Вильгельмѣ, я невольно вспомнилъ щедринаскаго Утриумъ-Бурчеева и съ тѣхъ поръ не могу отдѣлаться отъ этого образа. Это онъ, съ его стекляннымъ пендящимъ взоромъ и непреклоннымъ идеализмомъ, дико отрицающій реальный міръ съ его живыми силами; это онъ, рѣшившій остановить теченіе рѣки, разъяреный, обиженный, не понимающій, почему не останавливается рѣка; это онъ, Арачьевъ, съ его неописуемо тупой мечтой о военныхъ поселеніяхъ, о человѣкѣ, превращенномъ въ заводную куклу, о времени, претворенномъ въ механическіе часы. Теперь этотъ же самый модернизированный Арачьевъ-Вильгельмъ пытается съ такой же яростью остановить теченіе всей жизни—и мы видимъ, сколько ужасовъ, сколько крови, страданій и слезъ принесло это человѣчеству.

И, протестуя въ своемъ заявленіи противъ вандализма и звѣрства германцевъ, писатели, художники и артисты остановились, къ сожалѣнію, на полдорогѣ, а потомъ чуть ли не повернули назадъ: къ охравѣ того самаго «гения Германіи», который на ряду съ прекраснымъ создалъ и нынѣшній кровавый день. Вѣдь, нѣтъ же на свѣтѣ ничего случайнаго, и не можетъ быть случайнымъ вандализмъ, и звѣрство, и самый милитаризмъ; и думать иначе, зна-

НѢМЕЦКІЕ ТРУПЫ НА УЛИЦАХЪ СУАССОНА.

НѢмецкіе автомобилисты сдѣлали набѣгъ на городъ Суассонъ, но встрѣченные союзниками, были всѣ до одного убиты.

чило бы въ самомъ корнѣ подрывать наше право и способность судить о вещахъ. Пусть даже капитализмъ—но если при одинаковыхъ условіяхъ развитія капитализма во Франціи и Германіи нѣмцы звѣрствуютъ, а французы нѣтъ; если они звѣрствовали и вандализмичали еще въ 71-омъ году, то надо же поискать и другую, не столь механически-нѣмецкую, причину. Вотъ въ собраніи религіозно-философскаго общества г. Эрнъ провелъ прямую линію отъ Канта къ Круппу; я не знаю, насколько доказательна была его рѣчь, чувствуется излишняя поспѣшность и рѣзкость въ его выводахъ, но, во всякомъ случаѣ, она ставитъ вопросъ глубже и правильнѣе, чѣмъ то сдѣлали писатели въ своемъ неудачномъ заявленіи. Да и сами они, упомяная о германскихъ «поэтахъ, ученыхъ, вождяхъ общественныхъ и политическихъ, которые добровольно» вступили въ союзъ съ милитаризмомъ, невольно выводятъ вопросъ за узкіе рамки безотвѣтственной случайности.

И главной причиной неудачности заявленія «отъ писателей, художниковъ и артистовъ» является, какъ можно думать, то обстоятельство, что время еще не наступило для такого протеста. Какъ самая война застала насъ врасплохъ, такъ и связанные съ нею и ею возбуждаемые вопросы еще только смутно намѣчаются въ туманѣ кроваво-дымныхъ далей. Каждый день мы мѣняемся, сами того не замѣчая, и недалеко то время, когда наши же портреты, написанные съ насъ передъ самой войной, потеряютъ всякое сходство и будутъ казаться почти карикатурой. Половинчатость и нерѣшительность заявленія есть, несомнѣнно,

половинчатость настроеній и чувствъ начала войны, когда ушедшій миръ такъ еще близокъ и самыя новыя чувства продолжаютъ вливаться въ старыя мѣлн. Надо ждать и думать. Вопросъ же объ освобожденіи Россіи отъ злыхъ чаръ германизма настолько важенъ и серьезенъ, что надо много времени и спокойнаго труда для правильнаго разрѣшенія его.

Но есть непосредственное чувство гнѣва, жалости и возмущенія, которое не можетъ мириться съ ужасными фактами сегодняшняго дня, не хочетъ ждать и не пуждается въ спокойствіи, чтобы выразить себя. Сожженіе Реймскаго собора, разрушеніе Лувена и кровавое истребленіе мирныхъ жителей, женщинъ, стариковъ и дѣтей волнуютъ всѣхъ насъ до глубины души, исторгаютъ невольный крикъ протеста. Но такой протестъ, мнѣ кажется, можетъ быть достаточно выраженъ такими немногими словами:

«Мы протестуемъ и выражаемъ наше презрѣніе Германскому народу, который совершаетъ безчеловѣчные поступки и, совершая, оправдываетъ ихъ; и будемъ презирать его до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ другимъ, и самъ, своей державной рукой, не покараетъ истинныхъ виновниковъ, залившихъ землю кровью, растерзавшихъ Бельгію, отнявшихъ у матери дѣтей и явившихъ міру неслыханные примѣры гнусной жестокости».

Леонидъ Андреевъ.

ОТЪ ВОЙНЫ.

ПИСЬМА УЧАСТНИКОВЪ.

ВЪ этомъ отдѣлѣ мы будемъ печатать сообщенія участниковъ великой народной войны—офицеровъ, нижнихъ чиновъ, сестеръ милосердія, врачей. Письма нашихъ доблестныхъ воиновъ—важнѣйшій источникъ будущей исторіи войны, и на всѣхъ насъ лежитъ долгъ собрать и сохранить эти письма. Редакція журнала «Отечество» обращается съ просьбой ко всѣмъ, получающимъ извѣстія съ войны, присылать въ редакцію письма—въ подлинникахъ или точныхъ копіяхъ. Страницы журнала широко раскрыты для этихъ сообщеній, писанныхъ на поляхъ битвъ. Простые, безыскусственные рассказы дѣятелей войны знакомятъ насъ съ боевой жизнью и ратными трудами лучше, чѣмъ описанія со словъ, изъ вторыхъ рукъ.

Начинаемъ нашъ отдѣлъ письмомъ капитана одного изъ нашихъ славныхъ пѣхотныхъ полковъ.

I.

3 октября 1914 г.

ЧТО Вамъ писать? Всего не напишешь, да и невозможно!...

Писемъ мнѣ вообще мало пишутъ, а получаю ихъ и еще меньше. Почта приходитъ медленно. Вижу, что Вы знаете очень мало и думаете, что мы все или много знаемъ. Но мы знаемъ немного больше и то только въ томъ, чего свидѣтелями сами были или что близко происходило. Свѣдѣнія объ общемъ ходѣ дѣлъ—краткія, общія, а объ отдаленныхъ районахъ—запоздалыя. Скажу одно: переживъ прошлую войну въ разныхъ инстанціяхъ и положеніяхъ, начиная со службы въ пѣшей охотничьей командѣ,—я нахожу прошлую войну легкой и пустячной въ сравненіи съ этой. Погода съ конца августа ужасная. Холодные ночи, дожди, непролазная въ полномъ смыслѣ грязь, дороги ужасныя. При такихъ условіяхъ совершать ночные марши въ непроглядной тьмѣ, оставаться подъ открытымъ небомъ на сырой землѣ или въ грязи подъ проливными дождями—положеніе не изъ пріятныхъ... Самъ я, слава Богу, до сего времени совершенно здоровъ. Самъ удивляюсь своему организму: завидують другіе выносливости и крѣпости. Въдѣ мнѣ, помню общіе условія, по роду службы приходится даже въ бою иногда буквально по 2—3 часа спать подъ рядъ въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ. Конечно, все держится взвинченными нервами... Первый разъ съ полкомъ былъ въ бою 26 августа. Это было первое дѣло полка, совершенно отдѣльное и давшее лишнюю страницу славы въ полковую исторію, чѣмъ не могу не гордиться и не похвалиться. Полкъ находился въ резервѣ корпуса и не предполагалъ попасть въ бой. Неожиданно получили приказаніе командира корпуса прикритъ образовавшійся между нашей и сосѣдней дивизіей прорывъ въ нѣсколько верстъ, а на походѣ—приказаніе, чтобы выручить одинъ полкъ сосѣдней дивизіи—немедленно атаковать укрѣпленное селеніе Ск...., которое было въ центрѣ противъ нашего корпуса въ теченіе многихъ дней оплотомъ противника, и сильно, по имѣвшимся свѣдѣніямъ и даннымъ развѣдки,—укрѣплено. Полкъ на походѣ пошелъ въ бой въ районъ нами не обследованный, на ходу выславъ развѣдчиковъ и стремительнымъ штурмомъ взялъ съ бою всю укрѣпленную позицію. Проволочныя загражденія, огонь пулеметовъ, засѣки, дѣланный рядъ окоповъ съ бойницами, которыя въ теченіе болѣе недѣли укрѣплялъ противникъ,—ничто не помѣшало. Трофеями были болѣе 350 пѣшыхъ, въ томъ числѣ 7 офицеровъ, одинъ пулеметъ, десятки нераскупоренныхъ ящиковъ патроновъ и масса прочей аммуниціи, вооруженія и снаряженія. Натискъ былъ

такъ стремителенъ, что произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе на противника, и мы изъ-за этого отдѣлялись легкими потерями, тогда какъ въ предыдущіе дни постепенное наступленіе съ самоокапываніемъ подъ огнемъ—стоило другимъ большимъ потерь безъ достиженія цѣли. Полкъ, бывшій не въ состояніи удержаться, съ боемъ пошелъ дальше, и къ ночи наконецъ остановились мы, оторвавшись отъ общей линіи впередъ почти на 5 верстъ, рискуя быть обойденными съ обѣихъ сторонъ и разбитыми, потерявъ связь, которая и такъ была не прочна съ сосѣдями, ибо мы изъ резерва брошены были въ прорывъ, который заполнить не могли. На слѣдующее утро противникъ обрушился на насъ своей артиллеріей. Нашей за нами не было. Какъ потомъ говорили сами артиллеристы—движеніе наше впередъ было настолько стремительно, что артиллерія не успѣвала за нами переѣзжать на новыя и выбирать позиціи. Только черезъ часъ насъ стала поддерживать артиллерія, и мы опять двинулись.

Только къ ночи дошелъ до нашей линіи другой полкъ, свободно, въ походныхъ колоннахъ, занявъ ту позицію, которую долженъ былъ атаковать, ибо ее противникъ очистилъ, такъ какъ мы иначе были его въ флангъ. Штурмъ 26 августа Ск.... официально засвидѣтельствованъ въ приказахъ и—стѣна. Такимъ образомъ, въ бояхъ я участвовалъ: 26, 27, въ ночь на 28 (тяжелый эпизодъ изъ жизни полка), 30, 31 августа и 1 сентября (переправа съ боемъ трехдневнымъ у Р..... черезъ р. Санъ), 2 сентября, 4 сентября (тяжелый для полка лѣсной бой весь день и ночь подъ дождемъ въ непроглядной тьмѣ, въ лѣсу), 8 и 9 сент.—небольшія дѣла, и 13 и 14 сентября. Съ 30 августа мы уже бились въ Австро-Венгрію. Затѣмъ былъ перерывъ, и тяжелымъ маршемъ съ 22 сентября по сегодняшний день, т. е. 12 дней—безъ передышки—мы носъ къ носу съ германцами, подъ сильнѣйшимъ порою артиллерійскимъ огнемъ тяжелой и гаубичной ихъ артиллеріи. Особенно засыпали насъ 25, 26, и 27 сентября. Раздѣляетъ насъ рѣка, и кому будетъ принадлежать честь переправы—рѣшить трудно. Въ окопахъ люди дни и ночи—тамъ еще укрыто. Деревня сзади позиціи, куда часть людей ходила на ночлегъ и отдыхъ, сожжена и разрушена артиллерійскими снарядами. Открытое небо, проливной дождь сверху, вода въ окопахъ, холодъ, непроглядная тьма ночью и лучи не-

приятельских прожекторов, нащупывающих и освещающих нас, слепя глаза, как на ладони,—вот правдивая обстановка. Огней разводить нельзя—сейчас стрельба с берега ружейная и сзади, из-за берега, артиллерийская. Сварить хотя кипяток для чая—нельзя и негде. Пищу кухни подвозят ночью в тыл, и половина людей в ночной тьме по очереди идет встать, принося другим в окопы уже холодную пищу. Мы грязные. Чистоплотность в мечтах. И я—должен сознаться—безуспешно сражаюсь с одолевшим меня противником, с остервенением терзая свое тело от почесываний. Сейчас вторая часть ночи. В непроглядной тьме раздаются беззвучные выстрелы из ружей с обеих сторон. Это у стрелков не выдерживают нервы, но ничего не подвластно. И это же тревожит других и не дает необходимого отдыха. Я, по вольности адъютанта, сижу в полууцелевшей хатке сгоревшей и разрушенной деревни и пишу письмо. Здесь штаб полка. Телефон в обе стороны. Командир полка спит. Спит мой сподвижник—чиновник, поступивший в полк добровольцем, вольноопределяющимся, порт-артурец с 4-ми георгиевскими солдатскими крестами, интеллигент и славный малый. Жена его пошла в сестры милосердия. Один его брат, доброволя 17 л., уже убит, другому пришлось отнять ногу. Убитый мальчик служил в другом полку, и он случайно встретил носилки с телом брата. Такова судьба! Бодрствуют телефонисты. Окоп для штаба есть в центре полка, но пока мы остаемся «въ помещении».

Утром, когда с утра дождливая мгла разблалась, а я вышел на крыльцо омыться, одним из бризантных снарядов, разорвавшимся под домом—выбиты силою взрыва все стекла, и теперь холод адский. Другим снарядом днем снесло крышу и часть боковой стены бокового подвала. Этим снарядом уничтожена одна патронная двуколка с лошадью. Я бодрствую, ибо каждую минуту может начаться «дбло», т. е. ночная попытка переправы в разных пунктах, которую нужно отражать под градом снарядов. Немецы отлично пристрелились по окопам и деревьям, ставя засветло прицелы, ночью так же ловко посылают свои «чемоданы», как и днем. Самое неприятное—это разрывы этих снарядов ночью. То я принимаю донесения по телефону с левого и правого флангов (позиция по фронту больше 3-х верст), то отдаю распоряжения. Командир полка—славный, меня любит

Взрывает меня

Он под Р. .... 31 августа разрывом снаряда контужен в голову, под меня. Тогда не обратил внимания. Только я заметил у него мелких иф-скольких осадков и каплю крови в левом ухе от мелких осколков. Тогда забыли, а теперь с каждым днем он все больше мучится головой—с левой стороны, но кривится и держится, стараясь не показывать вида. Ну—вот и картинка. Не знаю, понравится ли, но за правдивость—ручаюсь. Только мелочи неприглядные пропустил... Всего не опишешь.

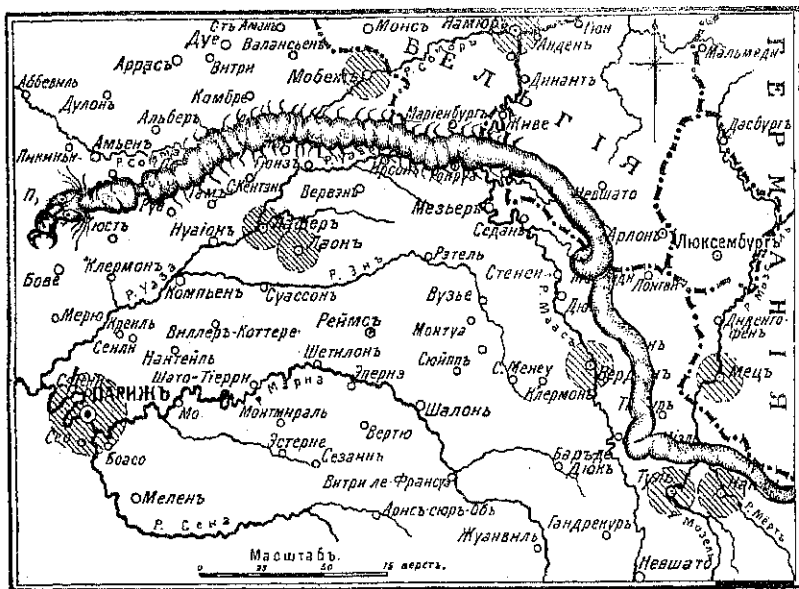

Отъ собств. фотографии «Отечества».

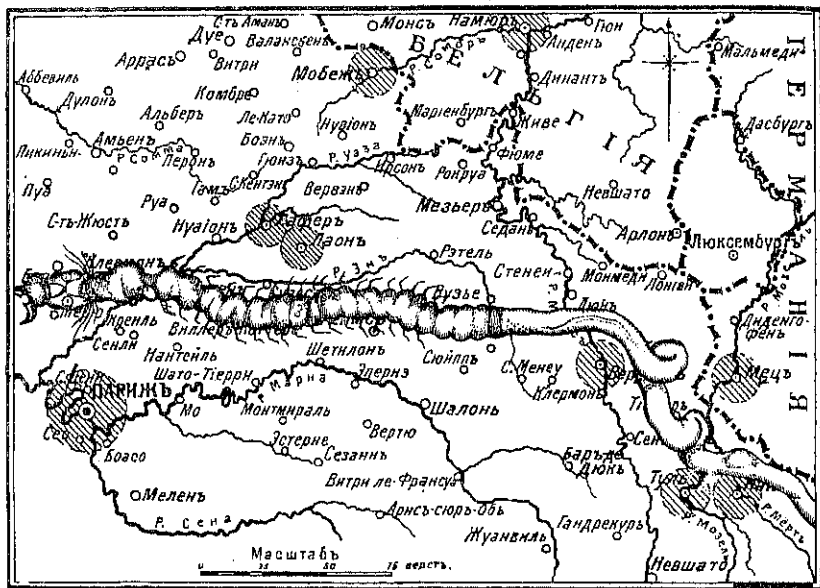
НА БИВАКЪ.

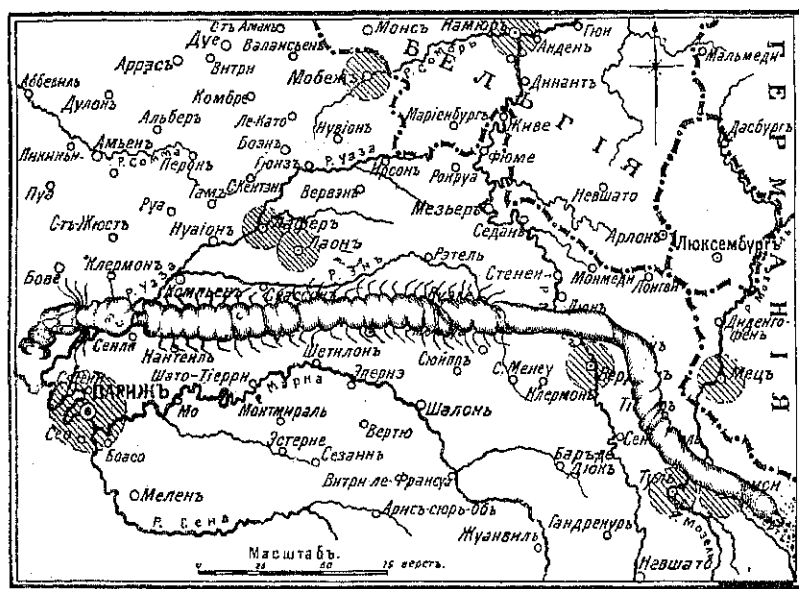
19 Августа.

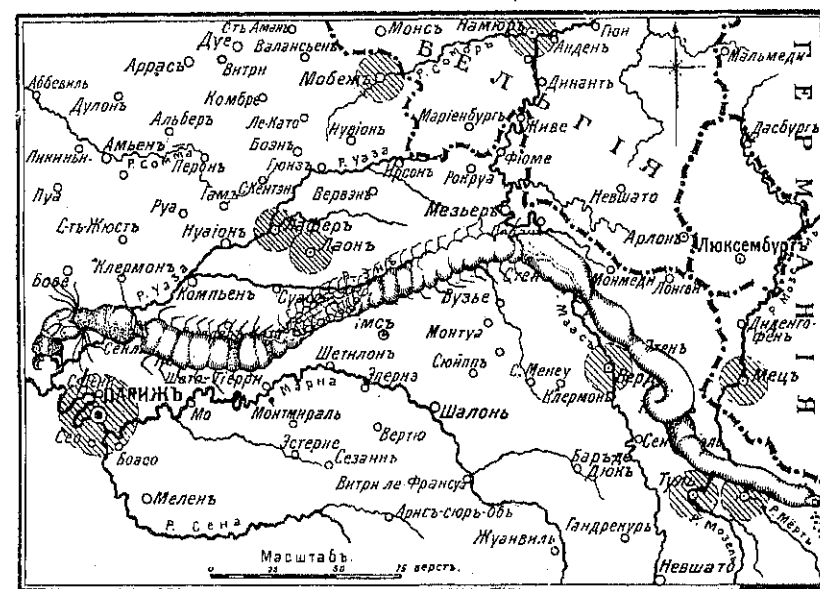
21 Августа.

22 Августа.

23 Августа.

24 Августа.

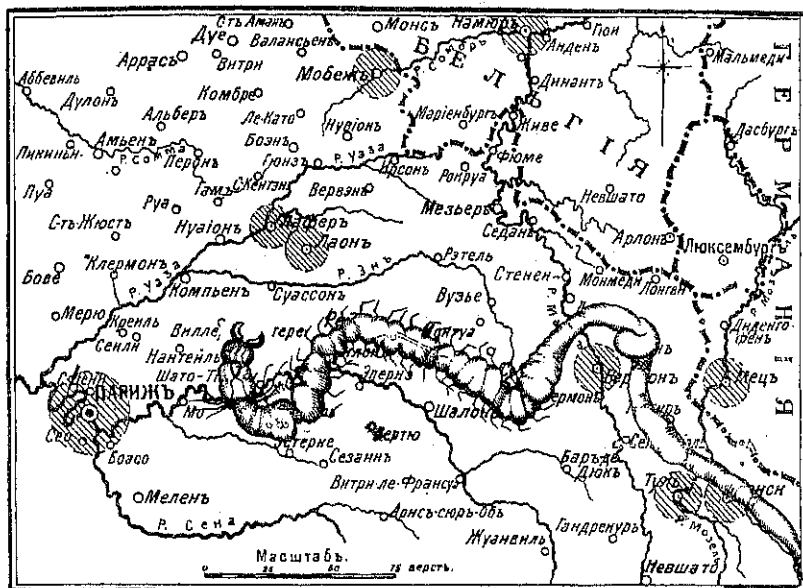

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ПОХОДА ОБР (10)

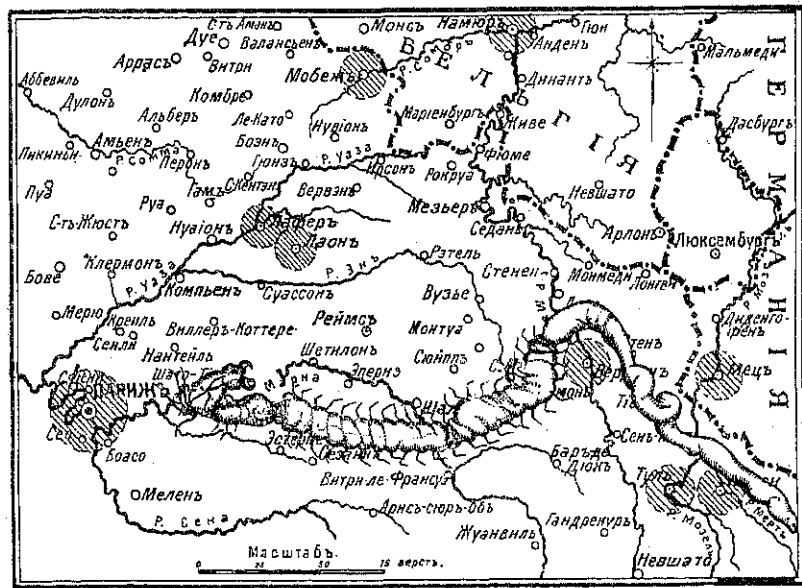
Изъ Бельгии и изъ Эльзаса поехали рокимы фронтомъ, въ нѣмѣннѣи запыть французскую армію (№ 1); но она начала цевъ; пришлось нѣмцамъ переползти за вида Парижа (№ 3 и 4); французы же пришлось нѣмцамъ немного изогнуть лп ихъ ударили сильно со стороны Парижа большой опасности (№ 6), туда были который увлекся погоней за французами ихъ ожидалъ такой ударъ, что они быстро мѣсяца отлеживаются (№ 9) и гдѣ ихъ къ морю, французы прорвали и отбѣнили къ морю, а другой къ нѣмецкой границѣ нѣмцевъ на Парижъ и обратно.

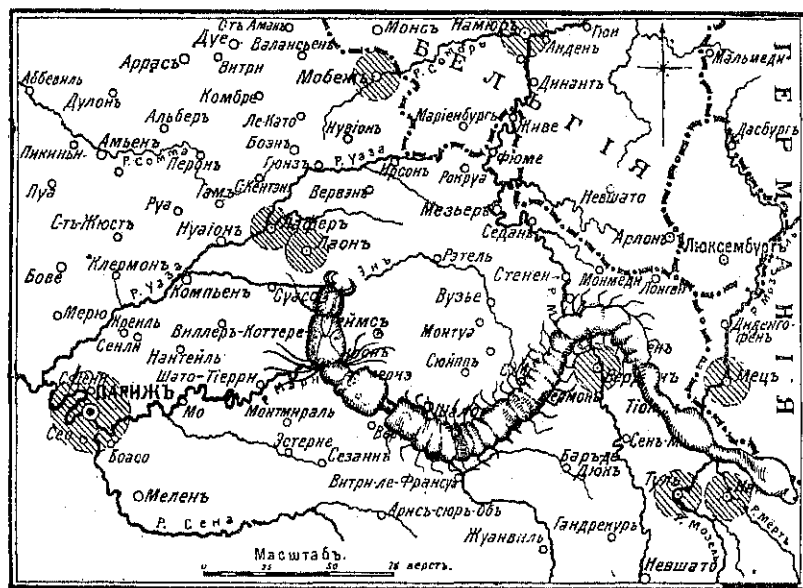
25 Августа.

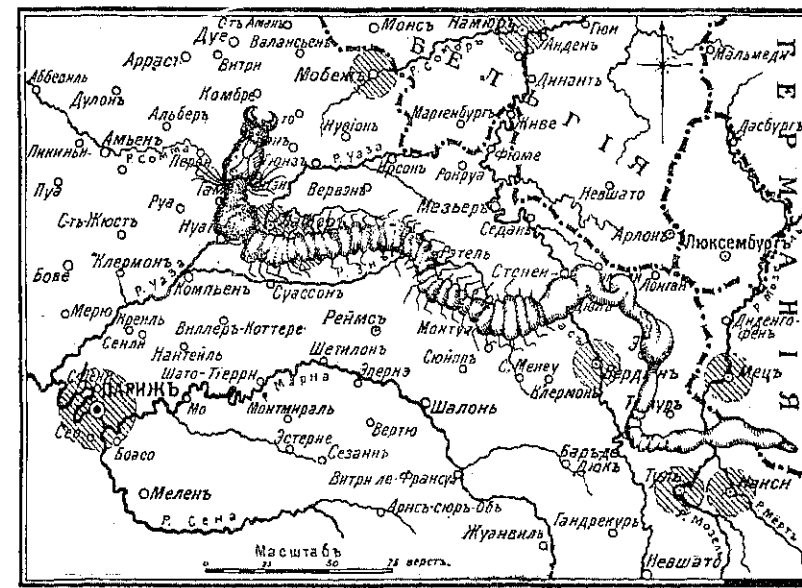
26 Августа.

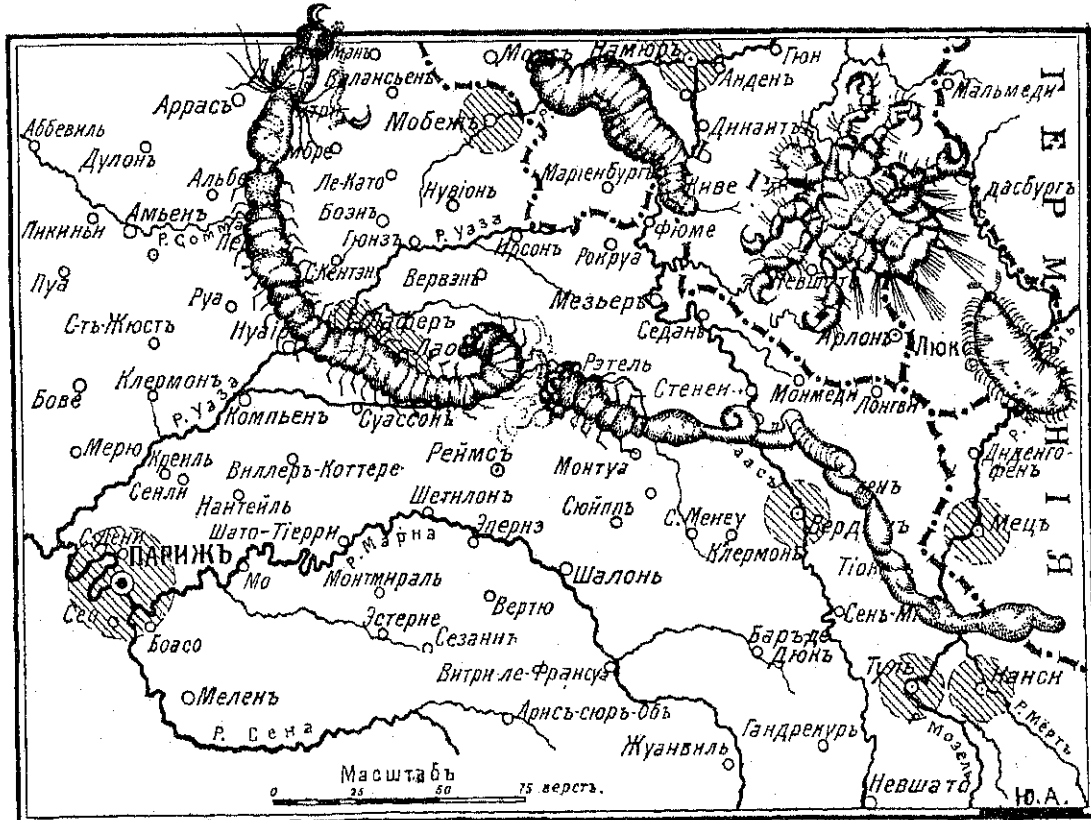
28 Августа.

15 Сентября.

28 Октября.

ПЫМЦЕВЪ НА ПАРИЖЪ И АТНО.

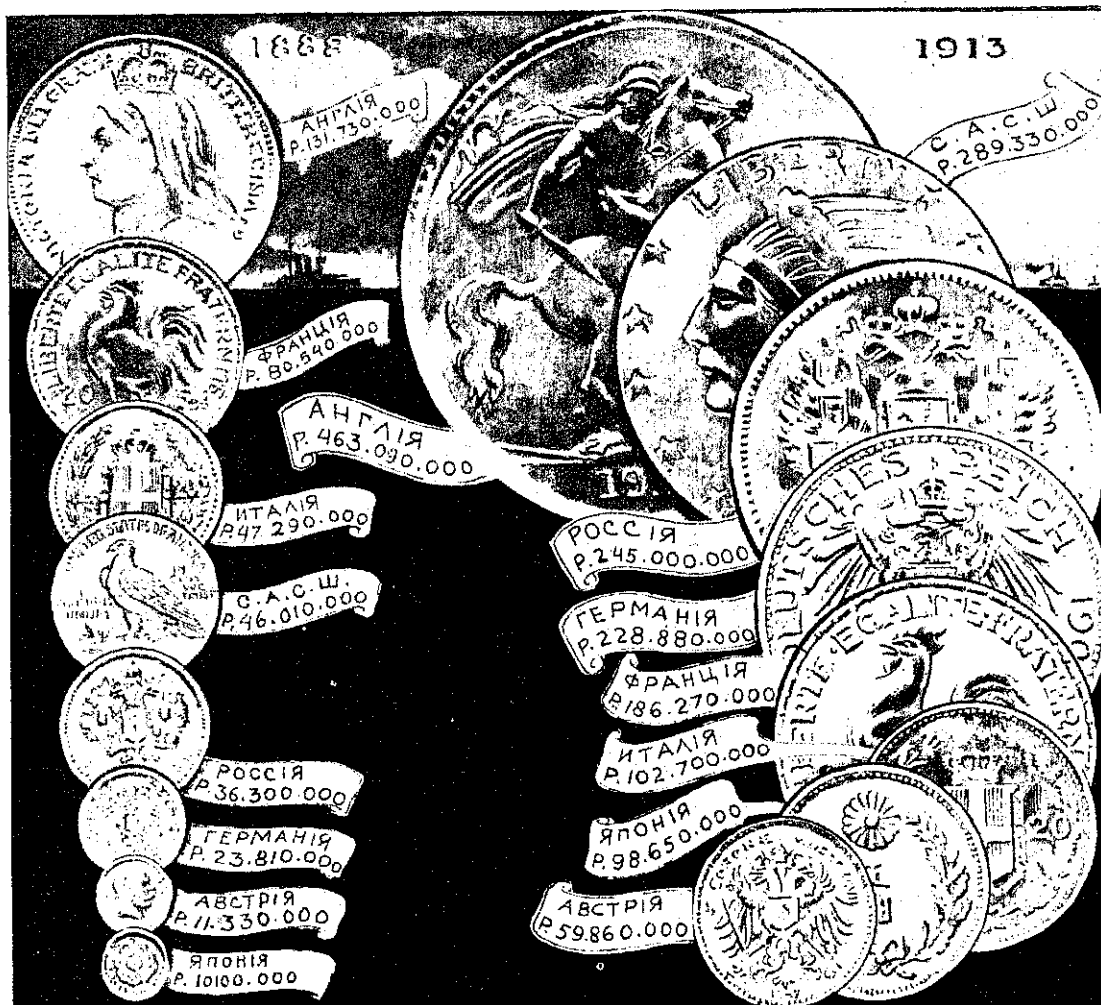
фазъ).

пѣмцы къ Парижу; наступали они ши-
Парижъ и съ двухъ фланговъ охватить
выскальзывавъ изъ пѣмцкихъ шупаль-
рѣку Энъ (№ 2), не упуская однако изъ
начали ихъ сильно тревожить въ центрѣ,
нию наступленія (№ 5), а въ это время
по правому флангу, который оказался въ
посланы подкрѣпленія изъ центра (№ 7),
и подошелъ къ рѣкѣ Марнѣ (№ 8), гдѣ
отскочили обратно къ рѣкѣ Энъ, гдѣ два
лишню, вытянувшую свой правый флангъ
въ центрѣ, прижавъ оба фланга, одинъ
Эльзаса (№ 10). Такъ кончился походъ

Рис. Ю. Анненкова

ИЗЪ-ЗА ЧЕГО

ГЕРМАНІЯ—зачиница войны. Таково общественное мнѣніе всего міра. Кровь нынѣшняго мірового побоища падаетъ на голову Германіи. Дѣло не только въ томъ, что она натравила австрійцевъ на сербовъ и грабительски вторглась въ беззащитную Бельгію, вынуждая великія державы вступить за эти геройскія націи; главное въ томъ, что къ этому разбойному дѣлу она готовилась десятками лѣтъ, заставляя всю Европу вооружаться по горло, тратить ежегодно миллиарды на новыя и новыя орудія смерти, разоряя и себя и сосѣдей безпрестанной угрозой войны.

Начало этой зловѣщей германской политики совпало съ годомъ воцаренія кайзера—1888. Именно съ этого времени

расходы европейскихъ державъ на военное дѣло стали баснословно расти. Когда Германія строила одинъ броненосецъ, Великобританія противъ воли строила два, должна была строить, ибо иначе ей—гибель. То же было и съ другими державами, и когда на Гаагской конференціи, по инициативѣ Россіи, онѣ сдѣлали попытку сообща, полюбовно снять съ себя это проклятое иго, уменьшить непомерныя военныя траты, угрожающія имъ разореніемъ, Германія, съ какимъ-то дьявольскимъ вызовомъ, отказалась примкнуть къ ихъ союзу, и тѣмъ обрекла всю Европу на дальнѣйшія непомерныя тяготы.

Но теперь Европа сказала: довольно!—и хочется Гер-

1.

Жила-была женщина. Ее звали Германія. У нея было три сына. Она работала на нихъ день и ночь, отказывала себѣ въ лишней коркѣ, лишь бы они были сыты.

2.

Но ихъ аппетитъ возрасталъ съ каждымъ днемъ. „Мы ѣдимъ лишь затѣмъ, чтобы стать сильнѣе и защищать свою мать“—говорили они ей. Она была очень довольна, гордилась ими и рада была голодать, лишь бы они были сыты.

3.

Но однажды добрая мамаша почувствовала, что ей приходитъ конецъ. Она поставила послѣднее блюдо картошки на столъ, а сама упала и померла съ голоду.

4.

Тогда доблестные ея сыновья, съѣвши до крошки весь обѣдъ, кинулись къ ней, и гордо поклались защищать ея трупъ на морѣ, на сушѣ и въ воздухѣ.

МЫ ВОЮЕМЪ.

манін или пѣтъ, ей придется принять участіе въ новой Гаагской конференціи, гдѣ дѣло Круппа, фонъ Тирпица и Цепелина будетъ безвозвратно проиграно.

Самъ же германскій народъ скажетъ ей за это спасибо.

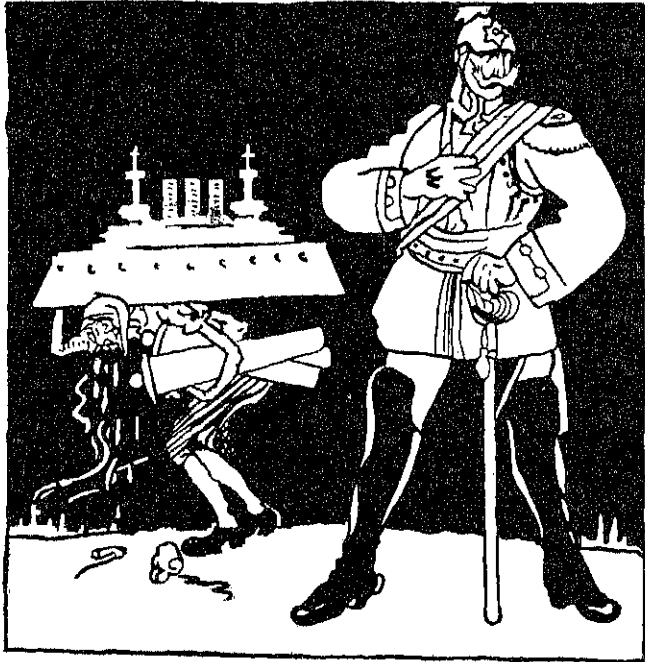

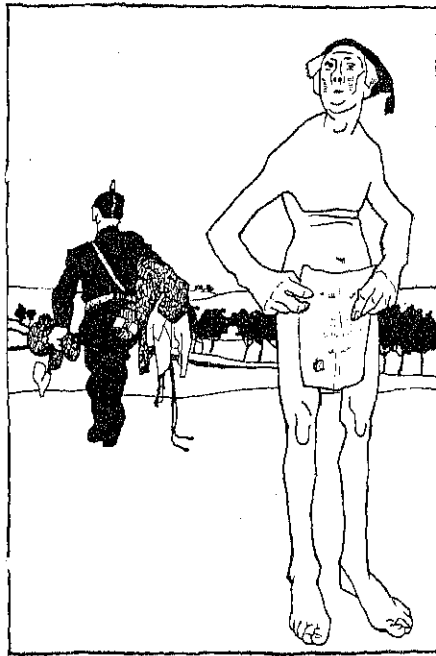
ИЛЛЮСТРАЦИЯ КЪ РѢЧИ КАЙЗЕРА.

... «Намъ нѣмцамъ не тяжело бремя военныхъ дѣлъ, намъ отрадна потѣха сраженій. Мы съ радостью подѣлимъ это бремя, зная, что только оно обезпечитъ намъ тотъ миръ, безъ коего немислимо преуспѣяніе нашихъ рабочихъ».

Германія сама изнемогаетъ подъ бременемъ своихъ крупновесныхъ пушекъ. Не даромъ въ *Simplicissimus* изъ недѣли въ недѣлю изображался несчастный Михель, котораго разорялъ его кайзеръ. Мы печатаемъ на этой

страницѣ нѣкоторыя изъ нѣмецкихъ политическихъ карикатуръ, гдѣ выражены гнѣвный протестъ противъ политики юнкерства.

Приводимая ниже таблица наглядно показываетъ, какъ разоряло Европу это юнкерское засилье Германіи. Именно для того и ведется война, чтобы эти колоссальныя монеты, изображенныя у насъ на рисункѣ, перестали съ каждымъ годомъ расти и приняли бы прежній размѣръ. К. Ч.

Михель (котораго разорили до тла на армію и флотъ). Спасибо, что хоть дали такую большую квитанцію. Хоть ею можно прикрыть паготу.

БАБУШКА.

РАЗСКАЗЪ.

— Бабушка, Шоня не хочетъ быть нѣмцемъ!

Александра Петровна знала, что вужно сейчасъ же пойти къ внукамъ и разобрать ихъ жалобы, потому что иначе поднимется плачь, и Вася вѣднится въ Соню. Но не хотѣлось бросать письмо; только-только выбрала свободную минутку написать сыну о томъ, что въ ночь родился третій ребенокъ, что всѣ здоровы, вспоминаютъ, кланяются, тоскуютъ и ждутъ будущей встрѣчи; что получили деньги, присланныя изъ арміи, что Вася проситъ привезти ему нѣмецкую пушку—и вдругъ нужно прекратить потокъ мыслей, новостей, рассказовъ и идти разбирать ссору.

— Подожди, Вася, сейчасъ письмо кончу.

Но Вася не унялся. Застучалъ кулачонками въ дверь и захныкалъ:

— Ба-бус-ка, иди!..

Александра Петровна встала и вошла въ дѣтскую.

— Ну, Вася, ты чего шумишь?—Она старалась сдѣлать лицо строгимъ и даже губы сжала плотно. —Маму разбулишь. Мама спитъ, больна.

Вася схватился руками за бабушкину юбку и, надувъ обиженно круглыя, красныя щеки и моргая глазами, занылъ:

— Шоня не хочетъ быть нѣмцемъ.

Соня, растрепанная, со сползающимъ внизъ лѣвымъ

чулкомъ, торопливо залѣзала, глядя на бабушку большими синими глазами.

— Я ему говорю... Я буду лучше французомъ... Правда, бабушка, французомъ лучше?

— Подожди, Соня, дай я тебѣ поправлю—Александра Петровна присѣла и подняла сонинъ чулокъ.

— Не шумите такъ. Мама спитъ, братъ вашъ маленькій спитъ. Вы знаете, папа вамъ прислалъ съ войны маленькаго братца.

— Какого?—спросилъ Вася.

— Маленькаго-маленькаго—Александра Петровна показала руками, какого—вотъ такого!

— А зачѣмъ?

— Чтобы тебѣ и Сонѣ было веселѣ. Ночью привезли.

— Въ поѣздѣ?—спросилъ Ваня, подумавъ.

— Въ поѣздѣ.

— А онъ умѣетъ воевать?

— Нѣтъ, Вася, онъ совсѣмъ еще маленькій.

— Онъ пусть будетъ нѣмцемъ, а Шоня пускай французъ!

— Хорошо-хорошо, только играйте тише. Вы и мѣшшаете.

— А ты что дѣлаешь?

— Папѣ на войну письмо пишу.

— И я хочу—сказалъ Вася—дай мнѣ бумагу и я буду писать.

Александра Петровна принесла два почтовых листка, усадила Васю и Соню за низенький круглый столик и пошла кончать свое письмо. Снова потекли беспокойные мысли о сыне, какъ онъ тамъ, на войнѣ? Не раненъ ли? Получилъ ли посылку? Снова одна за другою вытягивались строчки на почтовомъ листкѣ.

Александра Петровна не спала двѣ ночи, что промучилась невѣстка, рожая. Нужно было хлопотать, говорить съ докторомъ, акушеркой и мучиться ожиданіемъ: благополучно ли? Теперь прошло все это, мальчикъ родился здоровый, роженца уснула, но на душѣ все-таки тяжело, невыносимо тяжело и вспоминается послѣднее письмо сына, бодрое, увѣренное, спокойное.

Становилось свѣтлѣе въ комнатѣ. Часы въ столовой прозвенѣли восемь разъ. Слышно было, какъ Анисья пронесла мимо двери кипящій самоваръ. Александра Петровна щелкнула выключателемъ у электрической лампочки, столышей на столѣ, сложила письмо и, отгоняя темную, странную мысль — предчувствіе о томъ, что что-то такое нехорошее ожидаетъ ее, стала вспоминать все, что нужно было сегодня сдѣлать.

II.

Акушерка сидѣла за столомъ и, сощуривъ близорукіе глаза, наклоняла къ газетѣ свѣжее, вымытое лицо.

— Здравствуйте, Александра Петровна! Съ добрымъ утромъ!

Александра Петровна налила себѣ чашку чай и взяла второй листъ газеты.

— Какъ спалось?

— Я не спала, — Александра Петровна стала отыскивать въ газетѣ то, что прежде всего, раньше другихъ извѣстій прочитывала въ газетѣ — списокъ убитыхъ и раненыхъ.

— Наши поднимаются впередъ — сказала акушерка; ей очень хотѣлось поговорить о войнѣ и высказать свой взглядъ на военные дѣйствія. — По моему, сейчасъ нужно...

Но Александра Петровна не слушала и, отыскавъ нужный столбецъ и волнуясь, стала прочитывать незнакомыя фамиліи полковниковъ, капитановъ, поручиковъ; пропускала, торопилась и начинала читать съ первой фамиліи.

За дверью послышался стонъ и болѣзненный, тягучій голосъ:

— Ма-ма!...

Акушерка встала и, повернувшись уже, чтобы идти въ спальню, взглянула на Александру Петровну. Ея глаза расширились и застыли, словно остеклѣли, ротъ искривился въ мучительной, злобщей гримасѣ невыносимаго страданія.

— Ма-ма!... — болѣзненно протянулъ прежній голосъ.

— Александра Петровна! Что съ вами! — Акушерка быстро подошла и, нагнувшись, заговорила испуганнымъ шопотомъ: — Александра Петровна, дорогая, случилось что-нибудь? Да? Что же вы молчите?

— А-а-а... — тихо простонала Александра Петровна и, поднимая сильно дрожавшія руки, оглядѣла столъ, словно отыскивая на немъ что-то, и беспокойно поводила плечами. И вдругъ схватила пальцами свои волосы и упала головой на край стола.

— Ма-ма! — настойчивѣе и нетерпѣливѣе раздалось въ спальнѣ.

Александра Петровна протянула акушеркѣ правую руку и коротко и часто помахивая ею, тихо, съ напряженіемъ сказала:

— Идите... идите туда... къ ней... и сейчасъ... не говорите... ничего...

Акушерка вышла. Александра Петровна сложила газету, хотѣла встать, но не могла и, прислонясь къ спинкѣ стула, застыла, не двигаясь, не шевелясь.

Топоча, вбѣжали въ столовую Вася и Соня, съ исписанными, въ каракуляхъ, листками.

— Написали, бабушка! — закричалъ Вася. — Я все написалъ... папа, присли мнѣ нѣмецкую пуску!

— А мнѣ двѣ куклы и вловатку.

Александра Петровна очнулась.

— Тинѣ, дѣти... не шумите такъ... идите къ себѣ въ дѣтскую...

— Покажи новаго брата — попросила Соня.

— Спитъ, Сонечка, спитъ... Идите!.. Потомъ!..

— Бабушка, чего ты такая сердитая? — спросилъ Вася, всматриваясь въ бабушкино лицо.

Александра Петровна хотѣла отвѣтить, поглядѣла на внуковъ, обняла ихъ, прижала къ себѣ и стала дѣловато дѣлать бѣлокурыхъ головки.

Дѣти притихли. Они не понимали, за что бабушка ихъ дѣлаетъ. Наконецъ, Вася догадался: за то, что они хорошо написали панѣ.

— Я, бабушка, все написалъ, и какъ гулять съ тобой ходили написалъ...

Александра Петровна увела дѣтей въ дѣтскую и пошла къ невѣсткѣ. Она лежала на кровати, выпроставъ изъ-подъ одѣла худыя, блѣдныя руки и слушала, что ей рассказывала акушерка. У стѣны, въ высокой бѣлой кроваткѣ спалъ туго спеленутый новорожденный.

— Ну что, какъ себя чувствуешь? — спросила Александра Петровна, подходя и трогая рукой лобъ невѣстки. — Лучше?

— Ничего... Слабость ужасная... — Невѣстка говорила медленно, часто переводя дыханіе. — Что съ войны слышно? Читали газету?

Александра Петровна сжала руки въ кулаки, чувствую, какъ ногти впиваются въ ладони.

— Читала. — Отвѣтъ былъ спокойный и голосъ прозвучалъ ровно, не дрогнувъ.

— Ничего новаго?

— Нѣтъ. Наши продвигаются впередъ.

Помолчали.

— Отчего, мама, вы такая странная сегодня?

— Я? — Александра Петровна пожала плечами. — Нѣтъ, тебѣ, дружокъ, показалось. Я... какъ всегда...

— Костѣ написали?

— Написала, — тихо отвѣтила Александра Петровна.

— Не посылайте еще, я хочу приписать нѣсколько словъ.

— Довольно, довольно разговаривать, — шутиливо-строго перебила акушерка, глядя то на больную, то на Александру Петровну, стоящую у кровати съ опущенной головой. — Идемте, Александра Петровна. Пусть больная наша заснетъ.

— Я не хочу спать.

— Нужно, нужно... если сами хотите кормить ребенка. Они вышли изъ спальни.

— Что случилось, все-таки, Александра Петровна? — спросила акушерка, затворяя за собой дверь въ спальню.

Александра Петровна посмотрѣла на нее и вздрагивавшимъ голосомъ сказала негромко и медленно:

— Мой сынъ Константинъ...

— Раненъ?

— Нѣтъ. Убитъ въ бою.

И только произнесъ «убить», Александра Петровна почувствовала, что въ душѣ лопнуло что-то и больше сдерживать эту муку нѣтъ никакихъ силъ. Обнявъ акушерку

за шею и прижавъ желтое, въ морщинахъ, измученное бессонными ночами лицо къ ея плечу, затряслась и заплакала.

— Успокойтесь, Александра Петровна, — говорила акушерка, дѣлая сѣдые волосы. — Это неизбежно. На войнѣ всегда есть убитые.

— Да... а онъ у меня былъ одинъ, одинъ... — рыдавшимъ шопотомъ отвѣтила Александра Петровна. — И теперь... теперь...

— Можетъ быть, это не навѣрно извѣстно... справится пужно въ главномъ штабѣ.

Александра Петровна вздрогнула и подняла лицо.

— Да... да... я поѣду, я сейчасъ поѣду, я справлюсь... Можетъ быть... — Она прижала высохшія руки къ груди и, глядя навѣрхъ со страстной мольбой, зашептала: — Господи!.. Господи!..

Слѣша и волнуясь, она стала одѣваться. Трясушимися руками застегивала пуговицы пальто, одѣвала шляпу и, задыхаясь, просила акушерку присмотрѣть пока за дѣтми, чтобы не очень палили. Обѣщала пріѣхать одна знакомая дама. Нужно попросить ее подождать, она скоро вернется.

III.

Надежда, невѣроятная, невозможная, но трепетавшая въ душѣ, надежда на то, что Костя, быть можетъ, не убитъ, а раненъ, исчезла, когда въ штабѣ навели справку и сообщили Александрѣ Петровнѣ, что штабсъ-капитанъ Константинъ Васильевичъ Прилуцкій убитъ въ бою 18 числа.

Александра Петровна вышла изъ штаба и пошла по улицѣ, не зная, куда, не зная, зачѣмъ. Для нея не было ни городского шума, ни громыавшихъ трамваевъ, ни людей; никого и ничего. Все придавила черная тяжесть, упавшая на душу изъ словъ: «штабсъ-капитанъ Константинъ Васильевичъ Прилуцкій убитъ въ бою 18 числа». Убитъ Костя, нѣжный сынъ, отецъ, любящій мужъ, убитъ взрослый, веселый, смѣлый; убитъ молодой поручикъ, гимназистъ; убитъ мальчикъ въ короткихъ бархатныхъ штанишкахъ и красной шелковой рубашкѣ; убитъ крошка, ползавшій на коврѣ и протягивавшій впередъ маленькія пухлыя рученки.

Воспоминанія перегоняли одно другое, тѣснились, слетались вокругъ того, кто уже лежитъ, убитый врагами, лежитъ навѣки и никогда больше не встанетъ, не посмотритъ веселыми глазами, не засмѣется, никогда больше не заговоритъ: «Здравствуй, мама!» не скажетъ — «я люблю солнце», потому что оно напоминаетъ мнѣ хорошую, ясную жизнь», никогда, никогда, никогда...

Бессонныя ночи у постели больного Кости, мучительное ожиданіе кризиса, слезы и мольбы къ докторамъ спасти сына, потому что онъ — единственный, потому что въ немъ вся жизнь, въ немъ радость, счастье, въ немъ единственный смыслъ и все.

— Костя!.. Гдѣ ты?.. Господи!.. Отдай мнѣ его и возьми меня! Господи! Ты слышишь? Возьми меня! Меня возьми!.. А онъ пусть живетъ! Верни сиротамъ отца! Ты все можешь!

Александра Петровна остановилась. Мимо проходили чужіе люди, каждый со своими мыслями и заботами и никто изъ нихъ не знаетъ, что у нея нѣтъ Кости, что у нея нѣтъ сына. По улицѣ ѣдутъ извозчики и автомобили; сидятъ въ нихъ люди и имъ все равно, имъ нѣтъ никакого дѣла до нея, потому что они живутъ, а Костя умеръ. Костя убитъ въ бою 18 числа.

Александра Петровна перешла Невскій проспектъ; она увидѣла соборъ.

Подъ высокими торжественными сводами тихо. У иконъ

горятъ лампадки; стоять у иконъ на колѣняхъ одинокія, неподвижныя женщины, не шевельнутся.

— Мнѣ бы батюшку, панихиду отслужить — обратилась Александра Петровна къ сторожу.

Дрожить въ старческой рукѣ тоненькая свѣчка и воскъ каплетъ на полъ, какъ горячія слезы.

— Еще молимся о упокоеніи раба Божія воина Константина, на брани убіеннаго, Господу помолимся... Вятно и грустно читаетъ нараспѣвъ старый, съ серебряной бородой, священникъ, и звякаетъ въ его рукѣ кадило. Маленькія душистыя облачка ладана расплываются и тянутся синими струйками вверхъ. Дрожить тоненькая свѣчка въ сжатой, сухой рукѣ, а по щекамъ маленькими бороздками ползутъ слезы. А недалеко стоятъ незнакомыя, чужія женщины и тоже плачутъ. И кажется Александрѣ Петровнѣ, что не одна она со своимъ горемъ, и не только ея это горе, и не одна ея молитва, и слезы здѣсь, а вмѣстѣ всѣ онѣ, незнакомыя, но близкія и родныя. вмѣстѣ онѣ плачутъ и молятся объ одномъ...

Послѣ панихиды Александра Петровна заспѣшила домой: нужно Васю и Соню накормить завтракомъ и отправить на прогулку съ Анисей.

IV.

Анися ушла гулять съ дѣтми, и Александрѣ Петровнѣ пришлось пока замѣнить ее на кухнѣ; няньки не было; прежняя ушла три дня назадъ, а новой въ суматохѣ и хлопотахъ, вызванныхъ родами, не успѣли нанять.

Александра Петровна стоя передъ плитой и, переворачивая ножомъ на сковородѣ котлеты, плакала. Около никого не было, кто видѣлъ бы ея слезы, кто помѣшалъ бы ей плакать и оплакивать. Душа тосковала безъ мѣры, безъ конца, безъ выхода. Все вспоминались послѣднія минуты прощанія, когда онъ уѣзжалъ на войну. Ихъ было много, были почти всѣ такіе, какъ Костя, взволнованные, но увѣренные и смѣлые и долго еще, когда поѣздъ отходилъ, они махали изъ оконъ фуражками. Какъ тогда шемило сердце, и какъ пусто было въ квартирѣ первые дни послѣ отъѣзда...

Александра Петровна поднесла въ плиту еще два полѣна и отодвинула сковороду въ сторону. Подняла крышку надъ кастрюлей, зачерпнула большой ложкой супъ, попробовала и снова закрыла кастрюлю: супъ еще не былъ готовъ.

Какъ онъ убитъ? Кто знаетъ и кто скажетъ? Представляется въ мысляхъ дѣлать, тотъ самый дѣлать, въ которомъ, по газетамъ, недѣлю происходило сраженіе. Свистать снаряды, сверкаетъ огонь и далеко-далеко разносится гулъ орудій и трескотня ружейныхъ выстрѣловъ. Костя впереди своихъ... Онъ храбръ, онъ всегда презиралъ трусовъ и никогда не боялся смерти. Онъ впереди. И вдругъ...

Александра Петровна закрыла лицо руками и замерла. Въ кухню просунулась голова акушерки.

— Александра Петровна, васъ больная проситъ, хочетъ видѣть.

Александра Петровна отерла глаза и пошла за акушеркой, слыша надрывный, дѣтскій плачъ.

— Мама, мнѣ тяжело — сказала невѣстка, глядя на нее блестящими отъ слезъ глазами, — мнѣ безумно тяжело... Я видѣла сейчасъ сонъ...

Александра Петровна положила свою руку на голову невѣстки.

— Какой сонъ дружокъ?

— Мама, мнѣ спилось, будто Костя... будто Костя стоитъ здѣсь съ окровавленной головой и... и улыбается... А потомъ... я видѣла... его будто несутъ и потомъ что-то...

Александра Петровна отняла вздрогнувшую руку.

— Мама, отчего у васъ глаза заплаканные?—невѣстка стала тревожно всматриваться въ ея лицо—Мама!.. Вы что-нибудь знаете?.. Скажите!—Она стала говорить громкимъ, порывистымъ шопотомъ.—Мама, посмотрите на меня!.. Ближе!.. Вы что-то знаете? Не скрывайте!..

Александра Петровна наклонила свое лицо къ лицу не-
вѣстки и тоже, не зная, отчего—зашептала:

— Нѣтъ, я ничего не знаю...

— Правда? Да?.. Вы говорите правду?

— Да.

Она твердо посмотрѣла въ глаза невѣстки.

— А отчего у васъ глаза заплаканы?—задыхаясь, шептала невѣстка.

— Отъ чаду. Я котлеты жарила. Анисья ушла гулять съ дѣтьми.

Мгновенье обѣ не отводили глазъ—одна отъ другой.

— Мама... вы... не обманываете?

— Нѣтъ.

— Правда?

— Правда, дѣточка моя, правда, моя славная, правда, правда—дрожа и задыхаясь, шептала Александра Петровна.

— Мама, я въ вашихъ глазахъ что-то вижу.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего... Александра Петровна чувствовала, что рыданіе уже близко, что еще минута—и она не выдержитъ, не сможетъ больше скрывать. Акушерка, убаюкивая ребенка, застыла, сидя на стулѣ и не отрывая отъ нихъ обезумѣвшихъ отъ страха глазъ.

Въ тишинѣ рѣзко и звонко протрещалъ звонокъ.

— Дѣти пришли или докторъ—сказала Александра Петровна, торопясь уйти изъ спальни.—Я открою.—Тяжело дыша, словно послѣ бѣга, она пошла открывать двери.

Вернулись дѣти съ Анисьей.

— Бабушка, мы видѣли, какъ чепелинъ леталъ—радостно закричалъ Вася.

— Не чепелинъ, а дребежалъ—степенно поправила Анисья.—Слава тѣ Господи, мы не нѣмцы, чтобъ такимъ заниматься.

Соня перебила Александру Петровну съ другой стороны и, поднимаясь на носкахъ, говорила:

— Мы видѣли, офицела холопили...

Александра Петровна судорожно охватила Сонину голову и, цѣлуя ее, зашептала:

— Соня, Сонечка, дѣточка моя!...

— Соня—нѣмка!—сказалъ Вася; ему не понравилось, что бабушка цѣлуетъ только Соню.

— Васенька, цыть!—пригрозила Анисья, стягивая съ него пальтишко—нешто благородное дите можетъ такое...

— Идите, Анисья, я сама ихъ раздѣну—сказала Александра Петровна и погладила Васю по головѣ.—Вася, не хорошо такъ, не лужно... Стыдно, Вася!

У.

Какимъ безконечнымъ былъ этотъ день! Казалось, не будетъ ночи. Пріѣзжалъ докторъ, заходили поздравлять знакомые и быстро уходили, узнавъ отъ Александры Петровны о смерти сына. Она слыхала слова участія, но ни одно изъ словъ не доходило до ея сердца, потому что нѣтъ на свѣтѣ такихъ словъ, которые могли бы что-нибудь еще сказать ей.

Вечеръ она просидѣла въ столовой съ дѣтьми. Вася и Соня вырѣзывали изъ журналовъ картинки и наклеивали ихъ въ тетрадки. Александра Петровна вязала теплый набрюшникъ для госпиталя. Было тихо. Изрѣдка звякали ножницы,

оброшенные кѣмъ-нибудь изъ малышей, или Вася сердито пыхтѣлъ.

— Шонька, не торкайся!

Въ девять часовъ Александра Петровна повела ихъ спать. Въ дѣтской передъ образомъ теплилась синяя лампадка и вверху на потолокъ дрожало свѣтлое, круглое пятно.

— Я раздѣлся,—сказалъ Вася, кувыркался въ своей кровати.—Помоли меня Богу!

— Подожди, Вася, сейчасъ помолишься вмѣстѣ съ Соней.

— Я не хочу съ Шоней. Она моего генерала наклеила.

— Ничего, Вася, я тебѣ дамъ другого. Ну, дѣтки, молитесь!

Вася и Соня стали на колѣни въ своихъ кроватяхъ и начали повторять за бабушкой слова молитвы.

— Царю небесный, утѣшителю...—читала въ темнотѣ Александра Петровна, и слезы текли по ея щекамъ, и она не скрывала ихъ, потому что сейчасъ ихъ нельзя было увидѣть.

— Бабушка, Шоня дразнится,—перебилъ Вася.

— Соня, не плачь!.. Ну, дальше... Дай Богъ здоровья...

— Папѣ, мамѣ,—тоненькимъ голоскомъ читала Соня,—бабушкѣ, Васѣ и мнѣ.

Александра Петровна перекрестила дѣтей и укрыла ихъ одеялами.

— Спите!

— А ты съ нами?

— Съ вами.

— Я хочу сказку,—сказала Соня.

— Ну, хорошо, хорошо...

Александра Петровна прилегла на свою кровать, стоявшую недалеко отъ дѣтскихъ, и тихимъ прерывистымъ голосомъ начала:

— Въ одномъ городѣ жилъ старый царь и у него было три сына. Когда онъ состарился совсѣмъ и не могъ ходить...

— А какъ ихъ звали?—спросилъ Вася.

— Все равно, какъ хочешь... Ну, такъ вотъ, когда царь такъ состарился, что не могъ ходить, онъ позвалъ къ себѣ сыновей... сыновей...—Александра Петровна всхлинула.

— Бабушка, ты чего плачешь?—спросила Соня.

— Нѣтъ, такъ... дѣточки...

— Тебѣ жалко царя?

— Жалко.

— А потомъ что было?—спросилъ Вася.

— Потомъ?.. Постой!.. Дай, вспомню!..

Всѣ молчали. Дѣти ждали продолженія сказки. Александра Петровна крѣпилась изъ послѣднихъ силъ, глотая рыданія.

— Бабушка,—сказалъ Вася.

— Что... дѣточка?

— Я когда большой буду—я буду воевать, какъ папа. Хорошо?

— Хорошо, хорошо... Спите!

— Я хочу сказку,—капризно, соннымъ, тягучимъ голосомъ сказала Соня.

Александра Петровна не отвѣтила. Прошло нѣсколько минутъ. Она осторожно, чтобы не производить шума, подошла къ иконѣ и опустилась на полъ и едва слышно, беззвучно зашептала:

— Господи!.. Со святыми упокой раба твоего...

Она упала ничкомъ.

— Костя!.. Костя!..

Леонидъ Доброуравовъ.

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕТОПИСЬ

НАРОДНОЙ ВОЙНЫ.

Еженедельный иллюстрированный журнал «ОТЕЧЕСТВО» слѣдитъ за всѣми выдающимися событіями мировой жизни и даетъ ихъ освѣщеніе въ многочисленныхъ статьяхъ и иллюстраціяхъ. ■ Возникая въ грозный историческій моментъ, журналъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на великой освободительной войнѣ и является иллюстрированной летописью НАРОДНОЙ ВОЙНЫ. ■ Изъ номера въ номеръ дается полный и систематическій обзоръ военныхъ дѣйствій НА СУШЬ, НА МОРЬ И НА ВОЗДУХЪ; текстъ иллюстрируется картами, портретами, фотографіями и рисунками съ натуры. ■ Журналъ имѣетъ спеціальныхъ фотографовъ и художниковъ на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, М. Добужинскій, Франсуа Дюмонъ (F. Dumont), Д. Кардовскій, Б. Кустодіевъ, В. Левитскій, Г. Нарбутъ, А. Радаковъ, Ре-ми, И. Е. Рѣпинъ, А. Пастернакъ, О. Шарлемань и др.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участіе:

Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Аничковъ, А. Н. Бенуа, Ал. Блокъ, Ив. Бунинъ, Г. Вильямсъ (Dr. H. Williams), Г. Григорьевичъ, Н. Н. Евреинъ, М. Даманскій, Л. Доброправовъ, Влад. Гиппиусъ, Е. И. Замятинъ, А. Измайловъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, С. Г. Лозинскій, В. А. Махлаковъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, проф. Б. Персъ (Bernard Pears), С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рысскъ, Федоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, В. Танъ, Н. Д. Телешевъ, А. В. Тыркова, Таффи, Ан. Чеботаревская, К. И. Чуковский, А. М. Оедоровъ, П. Е. Щеголевъ и др.

«ОТЕЧЕСТВО» печатается въ художественной типографіи «ЯКОРЬ».

Подписка принимается во всѣхъ мѣстахъ по приему подписки на журналы.

Подписная цѣна съ доставкой: до конца года 1 р. 40 к.

Въ отдѣльной продажѣ 15 коп. номеръ.

На станціяхъ жел. дорогъ—20 1/2 к.

Редакторъ-издатель З. И. ГРЖЕБИНЪ.

РЕДАКЦІЯ: Петроградъ, Бассейная, 60.
Тел. 70-00.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Б. Болотная, 10.
Тел. 159-53.

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ, «ОТЕЧЕСТВО».

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Король, Законъ и Свобода.

ПЬЕСА ВЪ 6 КАРТИНАХЪ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВО».

Петроградъ, Б. Болотная, 10.

цѣна 50 коп.

ВОЙНА ВЪ ЦИФРАХЪ.

Статистическія данныя изъ новѣйшей военной исторіи.

Сост. Р. М. Марковичъ.

Годы войны и мира въ XIX ст.—Численность армій.—Напряженность и колебанія отд. войнъ.—Причины, обуславливающія исходъ войнъ.—Кровопролитныя сраженія.—Осады. Потери людьми и матеріальныя.—Сравнительныя потери побѣдителя и побѣжденнаго, солдатами и офицерами, вследствие военныхъ дѣйствій и бездѣйствій.—Полководцы.—Продолжительность войнъ.

Изданіе журнала «ОТЕЧЕСТВО».

цѣна 50 коп.

Заглавный рисунокъ на 2-ой стр. обложки—М. Добужинскаго.

РЕДАКЦІЯ журнала «ОТЕЧЕСТВО» приглашаетъ фотографовъ, профессионаловъ и любителей, присылать фотографіи, относящіяся къ нынѣшней отечественной войнѣ. При посылкѣ фотографій просятъ не стѣсняться качествомъ исполненія; лучше въ нѣкоторыхъ случаяхъ посылать самые негативы. Должны указывать размѣръжелаемаго гонорара.

ВЪ ближайшихъ номерахъ будетъ данъ цѣлый рядъ оригинальныхъ фотографическихъ снимковъ военныхъ событій, полученныхъ журналомъ отъ своего собственнаго корреспондента-фотографа.

ВЪ портфель редакціи имѣются и въ ближайшихъ номерахъ будутъ даны статьи и рассказы Л. Андреева, М-га Pears'a, сербскаго посланника Сполайковича, Ө. Сологуба и друг.

Учення організації всего міра
енергично протестують против не-
слыханного вандалізма германцевъ.
(Изъ газетъ).

ОНИ ПРОТЕСТУЮТЪ.